

25 Března 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

77

25-го марта 1931 г. 25-го березня 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Ив. Томаревский:* Казакия. (Kozakia).
2. *А. А. Гейман:* Конокрады. (Zloději koní).
3. *И. М. Назаров:* *** Стих. (Verše).
4. *М. Оверкович:* Сонет. (Sonet).
5. *Константин Поляков:* Казакам-партизанам. (Verše).

6. Еще о роли интеллигенции. (O roli intelligence).
7. *П. Кудинов:* Восстание Верхне-Донцов в 1919 году. (Povstani Verchně-Doncov v 1919 r.)
8. *П. И. Кокунько:* Наше прошлое. (Naše minulé).
9. *В. П. Елисеев:* Казачья старина. (Kozácká staryna).
10. *В. Куртин:* Белое юго. (Bilé jugo).
11. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
12. Б. Л. Мангатов. (B. Mangatov).
13. Казачья пресса. (Kozácká pressa).
14. Я. И Лопух. (J. Lopuch).
15. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
16. Необходимое раз'яснение. (Nutné prohlášení).
17. В Казакии. (V Kozakii).

Почтовый ящик.

Франция. — Т. Х. — Получено. Привет.

Греция. — А. Л. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Братислава. — Б. — Получено. Спасибо. Привет.

Франция. — В. М. — Получено. Спасибо. Привет.

Персия. — Б. — Сделаем, что сможем. Привет.

Париж. — Д. В. — Получено. Привет.

Югославия. — Вл. К. — Получено. Привет.

Братислава. — А. П. — Получено. Привет.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.

Болгария. — И. Т. — Получено. Привет.

Франция. — Е. Я. — Будет напечатано в следующем номере.

Лион. — Е. — Просьба исполнена. Привет.

Франция. — А. Г. — Просьбу исполняем. Привет.

Франция. — И. С-да. — Исполнено. Привет.

Франция. — П. Н. — Фотографии не получены.

Лион. — А. Л. — Получено. Привет.

Харбин. — П. К. — Получено. Привет.

Югославия. — И. Н. — Получено. Привет.

Болгария. — Ф. В. — Просьба исполнена. Привет.

Югославия. — А. Г. — Ответ — письмом. Привет.

Ваньов. — П. Я. — Присылайте еще. Привет.

Австралия. — Ф. К. — Второе письмо получено. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.

Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 27, rue Neuport, Monplaisir-Plaine. Lyon.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Козачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.

№ 77 *Среда, 25 марта, 1931 — Середа, 25 березня, 1931.* № 77

Ив. Томаревский. (*Болгария*).

КАЗАКИЯ.

Широки поля родные,
Вольной волюшки полны
У Яика, Волги, Дона,
Кубань — Терека реки.

Травянистые, цветные,
С белой пеной ковылей,
К Югу теплому, Востоку
Протянулись до морей.

И шумят они, как море,
И цветут как сад весной,
Ризой белой парчевою
Одеваются зимой.

Видны нивы на них летом,
Что, как золото, горят,
Куреней у вод заветных
Бесконечный стоит ряд.

Всюду лысые курганы,
Словно горы, — там и тут, —
Ширь полей, простора грани,
Волю будто стерегут...

Те поля — места родные,
Рай всей жизни казаков,
То — вся наша Казакия
Бывших, будущих веков!

А. А. Гейман. *(Югославия).*

Конокрады.

(Рассказ старого казака).

Большое зло было у нас, на Кубани, конокрадство. Да как ему и не быть?.. Лошадей по станицам было множество, да все хорошие. Все казаки второй очереди, отслужа свой срок в действительных полках и батареях, должны были еще пять-шесть лет держать своего строевого коня дома в полной исправности и готовности к строю. Казаки приготовительного разряда тоже два года держали лошадей для своего обучения инструкторами в станицах. Кони эти, конечно, хуже, но старший возраст, которому надлежит с осени выходить на службу в строевые полки и батареи, загодя покупают и готовят лошадей молодых и совершенно годных к строю, а кто записан был в гвардию, или в Варшавский дивизион, то готовили лошадей очень ценных.

Понаучили воры казаков строить крепкие конюшни и замки, но и то не помогало. Кирпич еще мало употреблялся в станицах, особенно для надворных построек, а воры даже из конюшни, срубленной из толстых бревен, умели без шума уводить лошадей. Подкопают последний, нижний венец под бревном, коня в конюшне повалят, свяжут ноги, протащут через подкоп, опять его развяжут и был таков. Вот и спит казак с женой в конюшне, амбаре или клуне, а часто и в хате, а конь с ними тут же у кровати стоит.

Между казаками кое-где есть и немецкие колонии. И у них много хороших лошадей. Но у них воры лошадей не берут. А отчего? Вот почему. Украли у немца лошадей. Немец по соседям, стучит в окно, кричит: „Фриц! Лошадей увели!“ и бежит с тем же дальше. А Фриц уже слезает с теплой постели, наскоро одевается, выводит самого быстрого из своих коней, и едет к управлению. Через полчаса к управлению уже съехалось человек 40—50 верховых, они быстро разделяются на партии и скачут по разным дорогам. Догонят воров, лошадей отберут и, без всяких разговоров, всех воров тут же на месте поубивают, закопают и спокойно возвращаются домой. Ни старый, ни малый, никто в колонии об этом не проболтается. Хорошо у немцев язык привязан! И у нас, конечно, это бывало и даже при станичном правлении всегда имелся на ночь „резерв“ поседланных коней и вооруженных казаков и, конечно, тоже ловили и убивали конокрадов на пойманном месте. И тайну хранили... до первого праздника. А там, понапьются, перессорятся и давай один на другого. Ну, а после следствие, суд и тюрьма. Закон разрешает убивать только для самозащиты, самосуд же очень строго карается. Ну и дошло, наконец, до того, что в 1900, кажется, годах разгорелось в Кавказском отделе, например, повальное и поголовное избиение замеченных конокрадов по станицам, поголовно же всей станицей.

. . . . . .

Жил у нас в станице отставной, еще чуть ли не николаевский, солдат. Силычем его звали. Крепкий и правильный был мужик. Покупал на год у казаков пайки, нанимал людей, обрабатывал их, имел пару лошадей, две-три скотинки и жил со своей старухой в достатке. Он один во всей станице не имел во дворе собак и ни-

каких замков на его воротах, или на конюшнях никогда не было. Только веревочные петли на всех воротах были. „От ветру больше“, говаривал он, когда его спрашивали — почему он воров не боится. „А от воров я слово знаю... у меня не возьмут“.

Очень любил Силыч ярмарки. Известно, что на наши ярмарки сгонялось много лошадей. Силыч все ходит, бывало, да все „приценивается“, что-то высматривает, или словом перекинется — когда со своими станичниками, а часто и с чужими, никому неизвестными посторонними людьми. Не удивительно, что Силыч знал толк в лошадях и советы давал охотно.

. . . . . .

Я уже отслужился и первый год льготился, а меньший брат по осени должен был идти в полк, вот ему мы и купили на летней ярмарке в станице Лабинской отличного коня, да и для хозяйства соблазнились и еще купили пару рабочих лошадей.

Был на ярмарке и Силыч. Мы сговорились ехать домой вместе... Ехать было уже давно пора, чтобы засветло добраться до станицы, да Силыч, что-то запоздал, все сидел в трактире с какими-то незнакомыми нам людьми за чаем. Выехали — уже солнце садилось, да еще на степи прошел дождь, развел грязь, а ехать верст тридцать.

От'ехали верст двадцать пять, Силыч остановил своих лошадей и заявил нам с братом, что лучше с'ехать нам с дороги к молоченой соломе и переночевать, а чуть свет — ехать дальше. Я стал просить ехать прямо. Опасно — говорю — как бы у нас лошадей не покрали здесь ночью.

— Со мной не бойтесь, при мне не возьмут, а возьмут скорее на дороге, если какие пьяные озорники остановят; да не то, что коней, а самих нас поубивают, в расчете поживиться деньгами. А конокрады нам не страшны. Да и кто нас с дороги по этих потемках, да еще под соломой увидит. Так то лучше.

Делать нечего, старых людей надо слушать. С'ехали с дороги шагов этак на двести, выпрягли коней и отвязали купленных, попутали, потреножили и пустили к соломе. Сами стали ужинать тоже в потемках, без огня, чем Бог послал, и легли спать.

Сильно изморились мы за день, высматривая и выбирая коней из тысячи их на ярмарке. Почитай, целый день не ели. Хотели раньше доехать домой, да вот Силыч задержал. Опять же и дождь дорогу попортил. Сильно побаивался я конокрадов. Ведь каждая ярмарка — это самая их, можно сказать, мобилизация. С'езжаются и сходятся их тут тысячи. И из Ростова, Майкопа, Ставрополя и даже из Туапсе и Новороссийска. По путям этим они везде имеют своих людей по городам и большим станицам, скрываются на день, а по ночам переезжают.

Правда, Силыч свой человек. Никогда у него ничего не крали, да и замков не держит, а все на веревочках. Но зачем он собак не держит и даже воротные столбы в ступицах и петли дегтем мажет? Конечно, чтобы не скрипели, а лай собак тоже показал бы, что к нему по ночам люди приходят; правда, этого не замечали еще. Ну, да всяко бывает. Взяло меня беспокойство. Не сплю. На беду тьма такая, что ни лошадей, ни даже скирды в двадцати шагах от нас не видать. За год мне эта ночь показалась. Не знаю, кажется не спал, но дремал наверное.

Слава Богу, показался рассвет. Я к лошадям .. Ни одной! Обежал кругом, приглядывался, прислушивался.

— Нет лошадей, Силыч! что есть мочи закричал я над сонным Силычем. — Лошадей увели!

— Ну, так что же? — говорит он спокойно — увели в потемках, а вот станет рассветать, разглядятся и вернутся. Ложись, спи еще.

Куда тут спать! Проснулся и брат. В это время я и услыхал чмяканье конских копыт по раскисшему от дождя жнивью, а через минуту спешно, на рысях, под'ехали к соломе двое верховых, держа вповоду каждый еще по лошади. Силыч тот час же поднялся и направился к ним. Я ползком за ним. Было уже настолько светло, что я узнал лошадей и Силыча и наших, вчера только купленных. Силыч меня не видел и я спрятался за солому.

— Ну, вы это что же, такие-сякие, заругался Силыч, когда воры слезли и начали вязать коней.

— Простите пожалуйста, Силыч, в потемках не разобрались, да уже как стало развидняться, разглядели, ну и поскакали обратно, пока еще и народу нигде нет.

— Ну, так вот, бить я вас, дураков, не буду, а вот спрячьтесь за скирду и набейте-ка друг другу морды, да как следует. А после я вам и решение свое скажу, заявил Силыч.

И воры начали драться, да на совесть, так как через минуту из обоих носов потекла кровь, а под глазами появились синяки.

— Ну, пока довольно, а вот из воров и ты, Петро, и ты, Семен, выкидывайтесь обое. Не годитесь еще. С вами только сраму наберешься, а то и беды наживешь. Лезьте оба в солому и сидите там, пока мы не от'едем подальше... Я не один. Хорошо, что ребята спят.

Как приехали, я к атаману. Разумеется, все рассказал. Тот диву дался. Учредили ночную слежку за Силычем и ночей через пять захватили ночью у Силыча целое заседание, — воры с отчетом приехали. Конечно, схватили, допросили и тут то и открылась вся многолетняя таинственность и сила „слова“ Силыча...

И. М. Назаров. (*Княжевац*).

***

Вы спросили меня: почему я пишу? —
Ничего не сказал я, но знаю:
Я пишу потому, что у сердца ношу
Всю тоску по родимому Краю;
Я пишу потому, что душа — вся из ран,
Безисходная мука в ней бьется,
Надо мною во тьме кто то сеет обман
И судьба надо мною смеется;
Я пишу потому, что изгнанье терплю
И мятеж из под сердца срываю;
Я пишу потому, что свободу люблю
И просторы родимого Края.

Микола Оверкович. *(Прага).*

СОНЕТ.

З тобою ми давно, з передвіків знайомі —
В світанкові світів вже бачив погляд твій:
Скорботний Херувим дививсь, як я у громі
Обіч Свобідного з Тираном зводив бій...

Хай був подоланий Титан-Сатанаель,
Хай міць когорт його поглинули простори —
Та світить у віках, як симбол непокори,
Могутній гордий Дух із зоряних пустель...

Зустрілись ми і тут з тобою, на землі...
Наблизились... і знов нам розійшлись дороги —
Ще над тобою й тут сліпії тяжать боги...
Крівавиться тавро покори на чолі...
А я, бунтар, горю бажанням перемоги,
І груди рвуть мені невимовні жалі.

Константин Поляков.
(Прага).

КАЗАКАМ-ПАРТИЗАНАМ.

В белых полушубках дубленых,
По белым пушистым снегам,
Дед и рядом почти ребенок
Шли вперед навстречу врагам...

. . . . . .

Над Черкасском звон похоронный,
Что ни день — звонят колокола...
На Дону — нет семьи без урона
И без скорби нету угла.

В черных суконных бушлатах,
Словно стаи хищных ворон,
Матросы и с ними солдаты
Шли завоевывать Дон.

Вьюга в степи стонала,
Заглушая предсмертные крики,
И снегом сухим осыпала,
Окаменевшие мертвые лики...

В белых полушубках дубленых,
С кровяными пятнами на них, —
Много их пало, взрощенных
Раздольем степей своих.

Иконку к груди прижимая,
Смертью прижаты к земле...
Воля их предков стальная
Дрожать заставляла в Кремле...

И тогда, в то раздольное время,
Полноводным был Тихий Дон, —
Наших предков свободное племя
Не ходило к другим на поклон.

Словно цветами синими
Степь покрывали они...
Кто не слыхал их имени?
Кто не видал лагерей их огни?

Шли они долю лучшую,
Правду свою защищать.
Это их русские мучили...
Больно теперь вспоминать.

Плаха на площади Красной —
Там завершался их путь
И потухал взор их ясный,
Вздымалась в последний раз грудь...

. . . . . .

Те годы ушли уж в былое
И столетья окутал мрак,
Но все так же идет за родное
И за правду бороться казак.

Обозначил грозовое время
Восемнадцатый памятный год...
И, как в прошлом, казачье племя
Шло за Волю, за Край свой вперед.

И вот, в полушубках дубленых,
По белым пушистым снегам,
Любовью к степям окрыленные,
Казаки шли навстречу врагам.

Еще о роли интеллигенции.

В предыдущем номере мы уже упоминали про главную причину расхождения между двумя группами порабощенного народа: между его высшими слоями — аристократией, дворянством, старшиною и между основной массой простого люда. Корнем расхождения аристократической старшинско-дворянской части населения покоренного края с остальными слоями населения, причиной отчуждения его от исторических и освободительных идеалов народа служит главнейшим образом острое и эгоистическое сознание своих „классовых“ интересов и вообще всех тех своих сословных выгод, сохранения которых высшие сословия могут добиться лишь отказом от борьбы с народом-победителем, отказом возглавлять и поддерживать осводительные стремления своего народа. Такое положение (везде и всегда) толкает высшие сословия и классы или к л о я л ь н о с т и по отношению к победителю, и тогда своим корыстным „дипломатическим“ молчанием они теряют всякое значение в среде своего народа; или они переходят открыто в лагерь победителей, прислуживаются им, применяются к их вкусам, привычкам, идеологии, — и тем становятся во враждебные отношения к своему родному народу — становятся врагами его национального освобождения наравне с поработителями.

Там же была подчеркнута и „органическая“ особенность масс „простого народа“ — хлеборобов и ремесленников — проявлять свою неуязвимость, отпор, или хотя бы инерцию, по отношению к воздействиям на них со стороны государства — победителя. Подсознательное и смутное, логически неоформленное национальное или народное чувство массы целиком сливается с инстинктом самосохранения и вне рамок своей национальной особности массы вообще не мыслят своего существования.

Но народная масса не обладает ясно осознанным идеалом своего освобождения, не имеет положительной, четко формулированной программы своего освободительного движения, не имеет систематически разработанных формул своих стремлений, не обладает ясно выработанными лозунгами, определяющими порядок и последовательность ее действий. Словом, свое положение побежденного масса н е с о з н а е т, а ч у в с т в у е т; это чувство дается ей опытом инстинкта самосохранения и эмоцией противодействия. Масса способна реагировать на посягательства и притеснения победителя лишь „отрицатель-

но", сопротивляясь без общего плана, связанного общим и высшим идеалом, высшей положительной целью.

Правда, инстинкт самосохранения и эмоция (чувство) отпорная, — это постоянное, подсознательное, готовое к активности возбуждение при известных условиях и при чрезмерном нажиме со стороны угнетателя, — способны вызвать массу к более резкому и активному реагированию, способны вылиться даже в могучее движение стихийное. Этим об'ясняются, напр., во всемирной истории, все стихийные анархические и разрушительные массовые движения народных низов против крайних притеснений со стороны победителей или против хотя бы одного даже упорного навязывания им чуждой, несвойственной и непонятной подвластному народу идеологии.

Но, всякое массовое стихийное движение, неубранное в строгие рамки плановых действий, является всегда по сути анархическим, разрушительным, вредящим часто себе больше, чем врагу, и наперед осужденным вследствие этого на неудачу. Движения масс, опирающихся лишь на одно свое инстинктивное подсознательное чувство, принимают всегда форму бунта, а не целесообразного, разумного, осознанного, уясненного в своих перспективах и рассчитанного действия.

И национальная борьба, нуждающаяся в одинаковой степени как в глубоких возбудительных национальных эмоциях, так и в твердой и решительной воле действия, равно и в ясном осознании этих чувств и воли, опираясь исключительно на стихию народных низов, не в силах достичь высших целей — освобождения и возрождения народа.

В этом и заключается главным образом трагедия порабощенных народов, — в расхождении, в раз'единении сознания с инстинктивным, подсознательным чувством самосохранения и волей к борьбе. Высшие сословия и классы, благодаря своему высшему интеллектуальному развитию, способные к осознанию целей освободительной борьбы, отказываются вследствие своего эгоизма от исполнения своих обязанностей по отношению к своему народу, — сам же народ, „низы", тая в себе постоянное живое чувство самосохранения и отпора и накапливая в себе потенциональную волю к действию, способен по существу лишь на бунт, на борьбу неорганизованную.

Каким же образом можно построить необходимый мост между сознанием, с одной стороны, и между чувством и волею, с другой, чтобы два этих могучих элемента сконцентрировавшись, слившись в одном общем вдохновении, в одной стремительной силе, привели восставший за свою свободу народ к конечным целям, чтобы великая и общая акция увенчалась успехом? Как слить сознание, чувство и волю в одну целесообразно действующую силу? — Эту роль берет на себя интеллигенция каждого народа.

Что же такое интеллигенция? Несомненно, что это не есть отдельное какое то сословие или класс, ибо рекрутируется она и из высших сословий и из „низов"; из одного и другого она берет лишь то лучшее, что может служить к общей пользе народа: от сословий высших — „сознание", из масс народа берет она глубокое основное и постоянное чувство национальное, чувство отделенности и отпора чужеродным влияниям и волю к действию. Интеллигенция и есть мостом, соединением, синтезом двух этих элементов национальной силы одного народа. Она, как звено, вяжет собою как бы два полюса одного национального организма. В ней сливаются и растворяются в новый „тип" одинаково приходящие как с одной, так и с другой стороны. Отдельные единицы и группы из высших сословий с единицами и группами из низов народных соединяются в интеллигенции, и в этой новой средней, синтезирующей группе сливаются в один национальный монолит; у одних в ней прививается живое чувство и активизируется воля, у других подсознательное чувство и дезорганизованная воля облекаются сознанием.

Таким образом, интеллигенция является носительницей осознанного национального чувства и воли народа, „мозгом нации" (как называют ее обыкновенно) и „совестью нации".

Основным признаком и главной особенностью этой группы населения в каждом народе есть то, что она является как бы духовным вожаком своего народа, опираясь на его могучее коллективное чувство самосохранения, черпая в то же время для своей деятельности его живые силы; интеллигенция формулирует идеалы своего народа, связывая и об'единяя его подсознательные силы в одном общем и ясном сознании.

Лишь в интеллигенции национальное неясное чувство народной массы достигает своей высшей формы, достигает своего осознания. То, что в народе, как в зерне, как было уже упомянуто, таит в себе лишь способность к развитию и расцвету, — то в интеллигенции принимает уже реальные и законченные формы, проникнутые сознанием высших целей и целесообразности. Иными словами, в интеллигенции выполняются, наливаются живой кровью и оплодотворяются все высшие национальные идеалы и стремления.

Совершенно понятно, что интеллигенция должна служить и главной точкой опоры для народа в его стремлении к своему возрождению, совершенствованию и развитию. Несомненно, что (как и в нашем случае) интеллигенция обязана взять на себя роль и руководителя в деле освобождения народа от порабощения. В активизации народного чувства, в облечении его в сознательные формы, в расширении этого сознания в массах народных, в активизации их воли заключается несомненный высший долг интеллигенции перед своим народом.

Поэтому на интеллигенции каждого народа

лежит обязанность разумно использывовать национальную и волевую стихию масс, обозначать цели народных стремлений, определять ясно характер достижимых идеалов, формулировать задачи действий и провозглашать лозунги, стимулирующие народ к развитию, к возрождению, к борьбе.

С особенным же подчеркиванием и упоминанием вменяется такая обязанность интеллигенции народа порабощенного, борющегося за свое освобождение и изнывающего в борьбе. Интеллигенция такого народа должна быть особенно активной и решительной; она должна не то что избегать борьбы или стараться удерживать от нее народ, тормозить массовые героические усилия и стремления, а наоборот, интеллигенция должна первой бросаться в борьбу, должна вдохновлять и возглавлять освободительное движение. Лишь такая жертвенная и отважная интеллигенция способна вывести свой народ на путь национальной свободы и государственной самостоятельности.

История всех возродившихся и возрождающихся народов изобилует примерами именно таких действий интеллигенции. Интеллигенция каждого народа накопляла силы и подготовляла борьбу. Она формировала свой народ в активный несокрушимый монолит; она воспитывала его национальное чувство и возбуждала волю к свободе; она охраняла его самобытность, хранила традиции, развивала любовь ко всему своему, родному; она оберегала его моральные и культурные богатства; она совершенствовала родной язык; развивала родную литературу и создавала искусство; она установляла великий культ родных героев и культ борьбы за свободу.

Она, интеллигенция, приносила и наибольшие жертвы на алтарь своей Родины, ибо враг-поработитель первый свой и наиболее тяжкий удар всегда направлял против активно действующей, вдохновленной великой идеей свободы, неутолимо жаждущей победы группы, которая была, как мы уже сказали, „мозгом народа“, его совестью, его моральной силой, его главой. Это и понятно. Угнетатель знает, что как бы ни был силен и многочислен покоренный им народ, без своей интеллигенции, без проводников, масса представляет из себя не более, как слепого, блуждающего во тьме. Держать такой народ в подчинении не представляет особенного труда, если разбита, распылена или уничтожена его интеллигенция. Интеллигенция всегда и везде подкапывает господство чужеродца-победителя, расшатывает его силу и в решительный момент борьбы обладает наибольшей силой и возможностью сломать его палку и разбить рабские оковы. Потому победитель-государство и стремится всегда систематически уничтожать старую интеллигенцию и ограничивать искусственно природный рост интеллигенции новой. Порабощенный народ держится в черном теле, его не допускают к просвещению, к образованию, ему не дают возможности развиваться на родном языке, преследуется проявление им самобытности, оплевывается и унижается нарочно память его героев и славного исторического прошлого, осмеиваются его национальные чувства, идеалы и стремления, навязывается ему своя идеология. Словом, все способы употребляются к тому, чтобы порабощенный народ мог чувствовать себя и осознавать не более как народом-работником.

Но, несмотря ни на какие хитро-мудро придуманные победителем способы и ограничения — живого чувства и сознания в порабощенном народе ему не убить. Из животворных гущ народных масс, как из обильной почвы, выростают все новые и новые молодые, свежие побеги — растет, развивается и крепнет в своей силе интеллигенция; у могучего и сильного тела вырастает голова — народ осознает себя и... наступает конец господству угнетателя.

Такова роль, значение и сила интеллигенции вообще, как третьей внеклассовой группы населения каждого края, как группы идеологической.

Все, что мы говорили выше о роли интеллигенции каждого народа, буквально применимо и к народу казачьему и к его интеллигенции.

В историческом прошлом старая казачья интеллигенция держала свое знамя довольно высоко. Почти все казачьи восстания и движения возглавлялись ею. Ее осознанное казачье народное чувство формулировало всегда ясно цели борьбы с угнетателями в линии политического освобождения и огосударствленного возрождения. Причин неудач борьбы надо искать в других исторических неблагоприятных условиях.

Что касается роли современной казачьей интеллигенции в нынешней освободительной борьбе Казачества, то очевидно, что, несмотря на все еще существующие в казачьей среде разные „течения“ (и весьма разной „силы“, что подчеркиваем), разное понимание казачьего вопроса и разные его решения, роль свою она, казачья интеллигенция (по крайней мере большинство ее), понимает правильно. Она становится загонщиком казачьего освободительного движения. Она формулирует казачью освободительную программу и, не отрываясь от своего народа, поднимает свой народ к ясному пониманию настоящего исторического момента и стоящих перед всем Казачеством его исторических задач.

Показательным в этом отношении является, между прочим, и то, что лозунг сторонников недавнего скверного прошлого Казачества, лозунг остатков старшинско-дворянской группировки единонеделимческого толка: „долой политику“ (они бы делали ее сами или предоставили бы делать казачью политику попрежнему своим господам), — лозунг этот становится все слабее и раздается все реже. Освободительная борьба — есть борьба прежде всего политическая, какими бы средствами она ни велась, и казачья интеллигенция делает совершенно правильно, становясь в настоящий момент в авангарде политической борьбы Казачества за свое освобождение и за свою государственную самостоятельность.

Павел Кудинов.

Восстание Верхне-Донцов в 1919 году.

(Исторический очерк).

Братья, Верхне-Донцы!

С тех пор, как вы одержали блестящую победу над сильнейшим противником в 1919 году, вы забыты историей и людьми. Предать гласности ваши славные подвиги люди, несущие ответственность за полноту казачьей истории, по своим личным, а быть может и политическим соображениям уклонились. Я же, работая наряду с вами за насущный хлеб, до сих пор не имел возможности воскресить добрую память о вас и вашей беззаветной храбрости, которую вы проявили с полным сознанием долга казака в жестокой четырех-месячной борьбе с сильнейшим красным врагом на полях В. Донского округа. Не было ни ропота, ни отчаяния в неравной борьбе. Сильная вера в одного и одного во всех до конца пребывала в вас. И вот, чтобы ваша доблесть не покрылась давностью, я решил правду о вашем минувшем боевом деле передать гласности через страницы журнала „Вольное Казачество“, которые будут дополнением к истории борьбы Казачества за свою землю, за свое право жить в пределах исторических границ вне всякой зависимости от Московских распорядителей. Я взаимно обязан тем подвигам, которые вы проявили под моим командованием, а потому я трудился над этой историей для того, чтобы ваши славные дела остались бы памятью и примером для поколения, грядущего на смену нам.

События, описываемые мною в главе I без обозначения дат, относятся к 1918 г., месяцам ноябрю и декабрю.

I.

В настоящей главе считаю необходимым вкратце коснуться главнейших причин ухода с боевого поля частей Верхне-Донского округа в период атаманства генерала П. Н. Краснова, т. к. с этим связано последовательное развитие дальнейших событий, имевших важнейшее значение, а именно крушение боевых планов и беспорядочный отход Донской армии к Новочеркасску.

В 1918 году я, будучи начальником пулеметной команды 1-го Вешенского конного полка (с которым выступил на фронт 20 июня) 2 июля, при наступлении полка на станцию „Филоново“, был ранен и отправлен в госпиталь, в котором (по причине тяжелого ранения) пришлось оставаться долгое время и видеть собственными глазами деяния тыловых учреждений, доведших фронт до открытого неповиновения, митингов, братания и, в конце концов, ухода по домам.

Нужно сказать, что на протяжении антибольшевицкого фронта находилось несколько армий: Донская, Кавказская (Кубанская), Добровольческая и, отменная от трех первых по своей удали мородерства, безобразий и бесчинству — Южная армия. Первые три сражались за цели несовместимые: Дону, Кубани и Тереку необходимо было воскресить свои исторические права, изгнать вторгнувшихся коммунистов из пределов Казачьей Земли. Добровольческая же армия, олицетворявшаяся былыми помещиками, была пропитана духом реакции и сводила счеты с народом за отобранные владения, доставшиеся им в большинстве не путем долголетних трудов, а щедрых подачек царствовавшей династии дома Романовых.

Данные очерки касаются исключительно Донской армии, Донского правительства и командования, а деятельность Добровольческой армии и ее командование затрагивают только изредка. Донское правительство и командование прекрасно понимали казачий характер, казачье сердце, душу и психологию, но использовать таковые в разыгравшихся революционных событиях сознательно, с обдуманной целью не желало или не умело.

Секрет боевого успеха войны совсем не заключается в многозначущих шумных парламентах и ораторских выступлениях с блестящими речами, а в жизнеспособном творчестве каждого из нас в отдельности, в его самопожертвовании в пользу того, кто стоял ближе к смерти, мукам, голоду и холоду.

Отливы и приливы от одной личности к другой, несовместимость стремлений к разным целям, трусость ответственных казачьих вождей перед „жестами“ г. Деникина, нагроможденность до невероятных размеров тыловой канцелярщины, которая служила базой для дезертиров почетного звания; отдаленность и неискреннее отношение к рядовым бойцам, — все это не дало достигнуть тех желанных результатов, за которые боролись рядовые офицеры и казаки. Нужно искренне признать, что психология рядового казачества, сказавшаяся в „гражданской“ войне была так ясна, так справедлива, что оспаривать кому либо из истинных казаков, едва ли придется. Вспомните случаи, когда казаки, дойдя до границы своей родной земли говорили: „Дальше не пойдем, т. к. там земля не наша и вмешиваться в жизнь и порядки русского народа мы не желаем“. Эти мысли были высказаны языком простого казака, призванного на фронт из отдаленных хуторов Донских степей. Но все же усилием политических руководителей, справедливая казачья мысль была сбита с истинного пути и направлена по пути очевидного поражения, страдания и гибели.

Все же, казаки продолжали повиноваться распоряжениям своего начальства, переносить всевозможные тяжести позиционной жизни, в судорогах предсмертных мук бороться с нашествием врага, медленно, полунагими умирать под сугробами холодного снега за пределами казачьей Земли. За что? Кому было нужно это движение на север? Казакам ли? Казаки свято и героически исполнили свой боевой долг — долг рядового бойца. История их не осудит и не упрекнет, т. к. они за собой имеют страницы славных побед и неувядаемой славы. Но, какое смягчающее вину обстоятельство найдет тыловая администрация для оправдания себя перед будущей историей? В то время, когда на фронте лилась человеческая кровь, вы гг. тыловые сановники, что вы делали за спиною фронтовиков? Вы гарцевали на балах и вечерах, распевали песни на тему дня, пресыщались в кутежах, в первую очередь получали обмундирование, назначенное для фронта и щедро растаскивали достояние Казачества.

Ни Войсковой Круг, ни главный штаб Донской армии, не приняли тех мер, чтобы как фронт, так и тыл олицетворялся именем казака, но отнюдь не бывшими чекистами императорского времени. Вот это-то очевидное зло и не было устранено во время. Донское правительство насаждало Московского барина, испуганно вылезшего из грязной мужицкой рубахи, не только что во все ответственные тыловые учреждения, но и в ряды фронтовиков, которые на фронте среди казачьих частей не могли быть терпимы.

Последние, пользуясь приютом и чувствуя себя вне всякой опасности на казачьей земле, продолжали свое гнусное дело насилия и мщения. Высшее же командование Дона, достаточно осведомленное об их преступной деятельности, молча продожало покровительствовать своим приятелям коллегам по службе в императорской армии. Базируясь на дисциплине, они бросали в бой раздетые, не вооруженные части с приказом: „Очистить от большевиков Дон“. Но когда, храбрые горсти казаков выбивали противника из пределов своей земли, то сейчас же начиналось подталкивание казаков на путь дальнейшего движения, с целью овладеть некоторыми пунктами, как бы имеющими важное стратегическое значение, где можно занять твердое оборонительное положение. С занятием первых стратегических пунктов, перед глазами белых вождей открывались тысячи новых стратегических пунктов, которые неудержимо манили их к победоносному движению

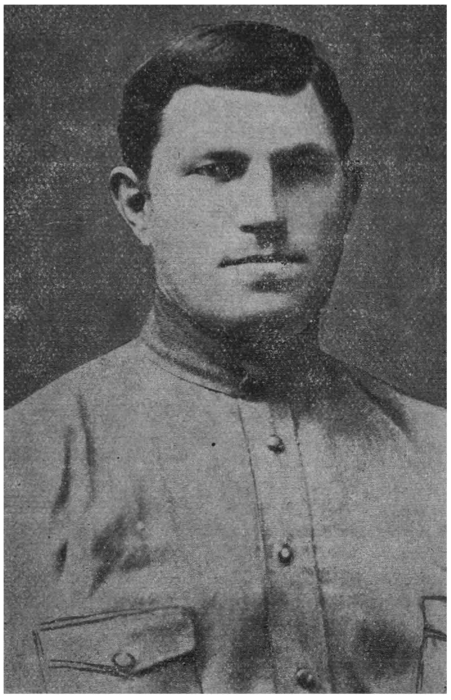
вперед через Москву до холодных берегов северного Ледовитого океана.

Но ведь эти многочисленные стратегические пункты, расположенные на чужой земле, в расчет казачьих освободительных стремлений не входили, за исключением тех генералов и политических руководителей судьбою Дона, которые были казаками только по внешности (мундир!).

День от дня собственное обмундирование у фронтовых бойцов приходило в негодность; отбираемые же у противника военные трофеи сейчас же захватывались тыловыми нарядами во главе с комиссией: „по учету трофей, отбитых у противника".

Из захваченных трофей ценные предметы, необходимые для нужд армии, целиком расхищались ловкими маклерами патентованной комиссии и множеством других лиц, которые с алчностью пригребали собственность им непринадлежащую; всякое же барахло, непригодное к употреблению, ревностная комиссия заносила в опись учетных актов и свидетельствовала тройною подписью экспертов.

Жалованье, причитавшееся казакам, только значилось у заведующего хозяйством по отчетным листам, но фактически выдавалось не полностью, с полугодовым запозданием, а в большинстве случаев „покрывалось давностью". Обмундирование, предназначенное для фронта, тщательно сортировалось на всех пунктах интендантского ведомства, а потому из всего количества обмундирования, посланного на фронт комплектно по числу наличного состава бойцов, последние получали одну десятую долю. Очевидно, что в расчет интендатских преступников входили заблаговременно соображения, что ко дню доставки обмундирования в часть, многие непременно должны быть перебиты и для них никакого обмундирования не требуется. Благодаря таким „тонким" расчетам интендантских хищников, оборванные и босые казаки с каждым днем приходили в отчаяние, утрачивая боевой дух воина. Упадок боеспособности казаков, хотя и медленно, но продолжал ползти по той наклонной плоскости, которая вела к неизбежной катастрофе.

Есаул П. Н. КУДИНОВ, б. командующий войсками Верхне-Донского округа в период восстания от 25 февраля по 25 июня 1919 г.

Некоторые командиры частей (как смертью павший полковник Агафонов) неоднократно доносили по начальству и просили принять неотложные меры, чтобы предотвратить фронт от начавшегося разложения, но все подобные крики оставались под сукном тыловых администраторов.

Наконец боевые марши раздетых и разутых казаков довели их до крайнего отчаяния и одна из сотен первого Вешенского пешего полка, не нарушая порядка воинской дисциплины, потребовала от командира сотни, чтобы последний вел сотню в ст. Вешенскую, где получив обмундирование, она вернулась бы обратно на фронт. Но командир сотни исполнить требование сотни категорически отказался. Тогда казаки, избрав нового командира сотни, в порядке пошли в Вешенскую. Прибывши в последнюю, сотня обратилась к интенданту штаба Северного фронта полк. Артынскому с просьбой выдать им обмундирование, но полковник Артынский завопил благим матом о „взбунтовавшейся толпе" и помчался к командиру Северного фронта генералу Иванову. Подтягивая на бегу амуницию вопил: „Бунт, сволочь этакая"!

Сейчас же волею командира Северного фронта генерала Иванова и полковника Саватеева сотня была арестована, все „зачинщики" были из'яты и переданы в руки московской охранки (судьи военно-полевого суда при штабе северного фронта на Казачьей Земле), а остальная часть сотни была отправлена в 28 Донской казачий полк „для исправления". 28 полк считался боевой и исполнительной частью на фронте, но отнюдь не был исправительным баталионом, как это представляли его генерал Иванов и полковник Саватеев.

Одна из доблестных сотен, которая 200 дней войны пережила в окопах, всякую минуту всматриваясь в страшный образ смерти, была об'явлена взбунтовавшейся толпой. Да разве это бунт? Нет, это не был бунт, а справедливое требование оборванных и босых бойцов.

Всех „зачинщиков", которых оказалось 12 человек, военно-полевой суд приговорил к расстрелу.

Приговор о смертной казни, вынесенный над 12 осужденными казаками, скрепленный подписями белых чекистов, был приведен в исполнение только через три дня, так как для подобной „операции" не находилось охотников. Но, в конце концов, силою угрозы, цель убийц была достигнута. Конвой с осужденными (около 2 часов ночи) прибыл на место казни, где уже к этому времени трусливо пережимался взвод стрельцов из казаков Базковской гарнизонной сотни, с „четой судебного ведомства".

12 осужденных мучеников были построены в шеренгу над темным рвом приготовленных могил. Тишина кругом... Взвод стрельцов, своих же братьев, волнуется, беспорядочно бряцая винтовками, вкладывая обоймы в магазинную коробку... Кривая шеренга замирает в ожидании команды. Герои кровавой тризны в офицерских мундирах с подвешенными никилированными шпагами, пытаются закрыть глаза осужденным белой тряпкой, чтобы самим не стыдно было смотреть в невинные лица обреченных, но казаки мужественно срывают повязки с глаз и бросают в лицо басурманам.

Минутное молчание... Послышалась робкая команда... Сверкнули стволы винтовок, рассекая темный мрак ночи, и тихое „пли"! скользнуло по рядам. Щелкнул курок и громкое эхо рваного залпа прокатилось по окрестности станицы.

Через мгновение взвод стрельцов беспорядочно передвигался с одного места на другое, содрагаясь от криков умирающих. Воинствующие „сигнальщики" с вынутыми шпагами бросились ко рву, но, к их удивлению, там оказались всего три тела, которые корчились в агонии предсмертных мук, а остальные же, несмотря на жгучую боль, скрылись в лесной чаще. Оторопевшие палачи спешно забросали полумертвые трупы песком и приказали расстрельщикам идти к месту расквартирования своей сотни.

Едва загорелся луч восходящего солнца, как в Вешенскую к окружному лазарету стали подходить окровавленные человеческие фигуры, которые стонали от боли ран, покрытых засохшей коркой алой крови.

Встревеженное население вереницей окружило окровавленные фигуры, то расспрашивало, то с жадным любопытством прислушивалось к рассказам казаков о минувшей кровавой ночи. Медицинский персонал сейчас же оказал надлежащую помощь и уложили раненых на свободные кровати.

Страшный рассказ казаков, которые побороли смерть, с молниеносной быстротой прокатился по всему округу, а, главное, по фронту. Испуганные отцы, матери, жены и дети спешили в Вешенский лазарет

чтобы увидеть чудом спасенных. К вечеру лазарет был полон прибывшими родственниками, которые горько оплакивали недобитых мучеников.

Военная власть штаба С. фронта пыталась предотвратить дальнейшее распространение сведений о происшедшем (неудачном для них „инцинденте“) путем строгого запрещения посещать недобитых казаков кем бы то ни было, но было уже поздно. Брешь оказалась пробитой. Брожение началось.

Враждебное отношение и ненависть к власти с каждым днем все увеличивалась. Члены военно-полевого суда, почуяв беду, поспешно исчезли с кровавого поприща на юг, где еще было тепло и безопасно для их жизни.

(Продолжение следует).

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Приїхали на становище. А темно, хоч око виколи! То було хоч зірки світили, а тут як нарошне все небо заволокло. Поховалися й зірки. Тим тільки й узнали, що приїхали на місто, що почули, як коні ступають твердо і комиш не тріщить під ногами. На становищі тихо й не примітно, щоб хто небудь там був. Що за напасть — думають — чи вжеж таки, поки вони їздили, то тут і чоловіка вбито, або й живого захвачено. Догадались тілько, що нічого не случилось, бо кінь зі становища обізвався до коней. Та де ж дівся козак? Біля коняки — нема, стоіть вона на паколі, ще й розсідлана. Хтось наткнувся на кучу комишу, коли це там шось заворушилось.

— Ось де він, а ми його шукаємо!

— Що це ти, сучий сину, спишь? обізвався урядник. Ми думали, як приїдемо, то зараз і до гарячих галушок!

— Так тоді ж би вони й не були гарячі. А я так думав наготовлю все, та як приїдуть, то поки з кіньми вправляться, то вони й закиплять.

— Правда. А води в казанок набрав?

— Ні, зараз побіжу, хіба вона далеко. Як би раньше набрав, то прикрить нічим, то воно б набралося туди всякого сміття, а в темряві не розбереш його.

— И то правда! Та ти, мабуть, росторопний парубок!

— Та яким Бог уродив, таким і є, а розумом Господь, здається не обідив.

— Та воно й видно. Ну, так хлопче-ж. Та тільки гляди, щоб під казанком не палало, а то воно хоч і не буде видно далеко вогню, бо кругом комиш, а все ж, коли дим вгору підніметься, то в темряві й він від полумья вогнем покажеться. Це буде добра „приміта“ для лихого чоловіка. А ви от що, хлопці, порозсідлуйте коней, та обітріть їм добре спини, а як повечеряємо, то посідлайте впьять на слабенькі попруги навісьте торби та так осідлані й хай стоять, щоб по тревозі зразу схопиться на коня. Самі теж не роздягайтесь, хіба після вечері трохи отпустіть й свою попругу. Один хай останеться на сторожі, останнім можна й спать, та тільки одним оком. Вартовому треба добре прислухаться до всього; як що покажеться опасним, — будить всіх. А тепер поміряйтесь на комишинку, кому яка черга. Верхній стане першим, а там по-порядку піде вниз. Останній розбуде мене. Ніч тепер коротка, кожному не довго прийдеться сторожить. Та доглядайте добре за кіньми, щоб у якого сідло не звернулося, або не заплутався який небудь в чумбурі. Тільки ніхто не кричи, голосу не подавай, все роби тихесенько. Бо в таку глуху ніч черкеси аж до Кубані добираються. Він, черкес, народ дуже хитрий і мимо тебе пролізе так, що й не почуєш його, а схаменешся тільки тоді, як він тобі кинжалом в спину пирне.

Поки урядник так балакав с козаками, та поки влаштувалися з кіньми, як ось кухарь і кричить:

— А ну, хлопці, до галушок!

— Як, хіба вже готові? спитав урядник.

— Ато ж, готові.

— Скоро, брат, ти їх зварив.

— Та що ж? в мене все було готове — галушки замішані ще завидна, та і сало покришене. Як тільки вода закипіла, вкинув туди сала а далі нарвав галушок, прокипіло та й готово. Чого ж йому баритися?

— Ну, так підожди, як ми усядимось, то тоді й давай казанок, а то по цій темряві ще хто небудь в казанок і ногою влізе, як загодя поставиш його; а ну хлопці, розміщайтесь!

Посідали.

— Ну, тепер, хлопче, давай! каже урядник, та гляди не вилий кому на голову! Иди на мій голос, а я тебе піймаю то вже й сам казанок поставлю.

— Ну, та й темрява ж, каже один з козаків, ще пожалуй і в рот не попадеш.

— Та в рот то дорога звісна, не заблудеш, а от до казанка проводника треба було-б знайти.

— Нічого, аби один раз, або два знайшов, а там рука вже й сама знайде.

Так шуткуючи, й пустились хлопці до галушок. Коли це трохи згодом урядник і каже кухареві:

— А ти, хлопче, сала мабуть, не пожалів. Галушки не піймаєш, а від сала не відчепишся.

— Та що за нечиста мати? обізвався ще один, який шматок не попадеться, то ледве в роті повернеш.

— Стій! обізвався ще один. Я щось таке піймав в роті, от як би вогню та подивиться, що воно таке? Став жувать, а воно трохи квохтить, та й у роті не поміститься...

— А ну, й справді, обізвався урядник. Розмахайте, хлопці, хто небудь вогню та подивимось.

Роздули вогню. Глядь! аж воно там жабинят! — більше, чим галушок. Так і порснули наші хлопці в рострічі, і ложки покидали, схопились та хто куди попав... Де кого занудило; де хто кричить: „давайте горілки скоріше, а то не видержу!“ А кухарь вилупив очі, та мовчить, тільки сопе. Урядник кинувся до своїх саквів, та витяг з них фляшку й давай глитать горілку, а далі й кричить:

— А ну, хлопці, до мене, кому горілки треба! та цур тільки по одному глитку ковтай, а то всім не хватить.

Та де тут розібрать в темряві, чи він раз глитне, чи два. Темно, не видно, може який і двічі приложиться, розбери їх...

— Та тут вже нема, подає голос кухарь.

— Тобі не хватило? Та так тобі, сучий син, і треба за те, що ти нас жабами нагодував.

— Та чим же я винен? Темрява!

— Темрява! Де-ж ти воду брав?

— Та в копані.

— А нема, щоб придивиться?

— А як до неї придивишся? темно хоч око виколи.

— Ну, та нічого, завтра розберем. А тепер, хлопці, лягайте та оддихніть. Подкрипились, бачте, галушками, щоб їх не згадувать!

Та мало хто й спав, забули й чергу, тільки й чути було, що де хто стогне, а де кого нудить, а де хто мовчки тілько ворочається. Мабуть галушки в животі плигають. Тільки перед розсвітом притихли, та прикурнули трохи. Де хто, мабуть і очі не вспів затулить, як урядник подав голос:

— А, ну, хлопці, пора й рушить. Вставайте, напійте коней, підтягніть попруги, та прямісінько до-дому. Та не забудьте ложки порозшукувать, що вчора позакидали.

— Ложки? обізвався де хто, а на віщо їх брать, щоб на кордоні посудину запоганить? Хай їм чорт! Нехай гинуть. Приїдем, то нові поробимо.

Схопились на коней, та вже мовчки якось і виїхали до кордону. У кожного була своя думка.

Всі повісили голови та мовчали. Та вже добре згодом урядник крикнув на нашого кухаря:

— Та, як же, все таки, ти сучий син, нагодував нас жабами? Хіба ж не можна було почути, що вони там булькають?

— Та булькали, та це тепер тільки я знаю, що то жаби булькали. А діло було так: як ви приїхали та розбудили мене. Я схопився та викресав і розмахав віхоть, підпалив траву, вхопив казанок і зачерпнув води, повісив його на триног, а сам біля вогню може й прикурнув, бо так до сна клонило, що ледве сидів. Розіспався, поки ви по плавнях їздили. Коли слухаю а в казані вже й вода булькотить. Я вхопив сало, шурхнув його в казанок та й давай галушки рвать. І думаю собі: як воно так вийшло, що так скоро вода закипіла... а воно виходить так, що поки вода була холодна, то вони, трекляті жабинята, тихо сиділи, а як трохи нагрілось та припекло їх, то вони й забулькали, а мені здалося, що то вже вода закипіла. Темрява, нічого не видно, заглянеш в казанок, блесне трохи, — бачив, щось біле перевертається там, та думав, що то сало, а воно бач що! Як би я знав, що воно таке, то й сам би не їв, а то їх, проклятих, мабуть с півдесятка, як що не більше, глитнув...

— Ну, що ж робить! сказав урядник, воно хоч і жаба, а все таки тварь Божа. Москаль же казав, що: „як нема риби, то й рак — риба". А у нас вийшло: Ні риби, ні рака, а замість їх жаба... Тільки от що, хлопці: як приїдемо на кордон, то нікому не кажіть, а то нас на сміх піднімуть.

Та де там! хіба рота завьяжеш кому? до вечора вже увесь кордон знав і реготали на все горло, а як сіли вечерять, та прийшлось позичать ложок, так ніхто й не дав. Запоганиш, кажуть. Шуткували, шуткували над бідолагами, а далі й прозвали їх „жабоїдами". Та так за ними те прозвання й зосталось, а потім і увесь Кушівський курінь стали дражнить „жабоїдами".

— Это старое, давно забытое прозвище Кущевского куреня, по свидетельству стариков, действительно существовало. Неизвестно только, что было причиною того прозвища: имел ли место на самом деле рассказанный случай, или причиной этому послужило то, что после разлива реки Еи, который бивает велик особенно около Кущевской станицы, мелких лягушек появляется там невероятное количество. Черноморцы, вследствие природного юмора, любят прилагать друг другу разные насмешливые прозвища, подмечая какой-либо случай, так: Екатериновцев они прозвали „А Катеринівці, ще каші не їли", благодаря случаю, о котором будет сказано ниже; Васюренцев — „не нашу сотню рубають"; Пашковцев „сметанники" и пр.

Впоследствии, когда продразнили казаков всех приморских станиц „моряками" или, иногда, „мереплавателями", последние перенесли прозвище „жабоїдів" на казаков всех степных станиц (в отместку). С течением времени все эти прозвища утратились совсем. Одни заменены новыми, другие позабыты.

(*Продолжение следует*).

В. П. Елисеев (*В. Петров*).

О „Казачьей старине".

„Моя юность цвела
Под туманом густым
И что ждало меня
Я не видел за ним"...

(Где и когда прочитал, — не знаю).

Моя бабушка — покойница — была женщина очень „амбициозная"... Когда отец или мать — со свойственным всем молодым людям ироническим отношением к старине — начинали (зная „больное место" бабушки) слегка подтрунивать над стариной, не очень ласково (в шутку, конечно) о старине отзываться, то бабушка так, сердечная, серчала, так грозно нащетинивалась, что преображалась в настоящую, тебе, фурию... Ну, а про нас, желторотых внучат и говорить, конечно, нечего. — Только, бывало, взикнись, хотя ничтожным двусмысленным намеком против старины, так, без всякого разговора, и получишь, если не убережешься, или скалки или самого рогача...

Старина для моей бабушки была, если можно так выразиться, кумиром ее прожитой жизни. Оправданием ее восьмидесятилетнего пребывания на земле; потому покойница и почитала так старину — до благоговения.

Само слово „старина" не сходило с бабушкиных уст. Уж так многое, видно, оно олицетворяло в бабушкином гордом воображении!..

Начнет, бывало, отец убираться на ток за соломой — набросится: — Опушкался. В старину не знали ни валенок, ни шуб. В сапожках да в мундирчике. И не мерзли. Люди были. Не людишки, как теперь: в валенках, а сами бухи — бухи, кахикаете...

Если умрет кто из казаков в хуторе, тоже не оправдает: — В старину люди жили по сто лет. И никаких. А теперь, успеет придти со службы, как уже с'из'янился. Ну, и времена же наступили...

Но, помню, больше всего доставалось нам, детям. И особенно за церковь. Только что ударит колокол, как она, бессердечная, тебя уже толкает — будит: Иди в церковь. Хочется, не хочется, а иди. Потому — в старину народ был очень моленный. Службы не пропускал — Бога боялся...

С глубоким уважением относилась покойница к старине. Любила старину.

Но бабушка моя, хотя и прожила восемьдесят лет, но для меня, ее внученка, она умерла все же слишком рано. Правда, церковь она меня научила любить. Я церковь всю жизнь люблю. И молюсь в ней, как, помню, молилась моя верующая, религиозная бабушка. Но старины от бабушки я все же не успел узнать. Только что начинал постигать своей детской душой о старине длинные и интересные бабушкины рассказы и только что стал уяснять себе бабушкину „амбицию", как она, старушка, заболела и отдала Богу душу!.. И знать старину я был предоставлен сам себе...

А теперь, как досадуешь на себя, что проживаешь жизнь и не знаешь „своей старины". Старые, незнающие грамоты люди и то знали и любили „старину", а ты и письменный и в таком „модерном" мировом прогрессе живешь, а „старины" своей не знаешь.

Ну, а раз не знаешь, значит, и не можешь ее любить. Не знаешь, что любить...

Досадно и больно... Вот, например, двадцать лет прошло с тех пор, как появился на свет рассказ Романа Кумова „Игумен Иосаф" (из Донских преданий) (Светоч. Приложение к журналу „Русский Паломник" 1910 г.).

Двадцать наилучших лет моей жизни! А я не только что не читал его, но и не знал о его существовании...

Странно? Конечно, странно... Но, зато немудрено... Ибо я тот, который до двадцатилетнего возраста пичкался „стариной Рождественского" да „Иловайского", а потом целых семь лет не снимал серой шинели с своих плеч и не выпускал винтовки из рук? Я тот, который вот уже десять лет, высунув язык, метаюсь за „куском насущного хлеба"!..

Бабушки нет, а наши „бывшие видные деятели" не надоумили... Так и не читал „Игумена Иосафа" — „казачью старину", пока сам на „нее" не наткнулся случайно...

Правда, и „бывшие видные деятели" пишут о „старине". Есть даже специальные статьи, посвященные „старине". И статьи эти так и называются: „Из донской старины" (Род. Кр. № 1 — 1929)...

Думаешь, что, действительно, говорится о „старине", а когда прочитаешь, то и увидишь, что там пи-

шут не о „донской старине“, а о „донских старшинах“ — Иловайских, Машлыкиных, Леоновых, Золотаревых...

Старшины, конечно, старшинами, но душа ищет „старины“, а ее то и нет... И от чтения такой „донской старины“, кроме пустоты и недоумения на сердце ничего не остается...

Трудно теперь вообще найти „казачью старину“... Одни ее и не знали, другие забыли, а третьи не хотят знать — просто впали в „модернизацию века“...

Вот потому-то мне и стало и больно и досадно, когда я через столько лет и не у себя дома, а на чужой мне земле случайно напал на истинную „казачью старину“ — „Игумена Иосафа“...

Он, „Игумен Иосаф“, воскресил мою детскую память, вызвав в моем воображении ту „старину“, о которой так часто и горячо рассказывала нам, детям, в длинные, зимние вечера давно покойная моя бабушка. Любила говорить старуха, а мы любили ее слушать...

И сегодня мне показалось, что я читал не „Игумена Иосафа“ Романа Кумова, а слушал монотонное, ровное повествование моей бабушки...

Темные зимние сумерки... Вспыхивающая в грубке куга освещает раскрасневшиеся лица и сверкающие в полутемноте ясные детские зрачки... А бабушка рассказывает...

... „Игумен давно в безмолвии стоял перед своими монахами — на высоком узком амвоне, слабо освещенном тусклыми свечками. У него в руках была хартия — грубая желтая бумага, похожая на ткань и кожу. Он мял ее в своих руках — возбужденно и страстно, и сквозь сумрак можно было рассмотреть, как загораются гневом черты его старческого лица...

— Слыхали, что привез давнишний посланец из Московии? Грамоту привез. Наказывают, чтоб мы беглых в свой монастырь не принимали. Чтоб о них в Московию доносили... Слышите? Вольность чтоб им свою отдали!..

Игумен поник головою.

— А я думаю, не быть этому! — вдруг вспыхнули среди тьмы его глаза. — Не бывать! Здесь монастырь!.. Здесь нет людей: здесь Бог... и мы... иноки Его... да речка... да степь... Больше ничего нет. Божье тут царство. Не людское... Так и скажу им. Сам поеду! Сам поеду в Московию и скажу им всем: не бывать этому!.. Слышите: сам поеду! Застенки, пытки у них есть — знаю... и не боюсь... Не боюсь...

Игумен был типичным казаком. В душе больше всего любил волю, степь и... этот маленький убогий скит. Говорили, что когда-то он уходил в поход на Азов и на турок и оттуда вывозил много всяких заморских диковинок. Говорили, что лют и беспощаден был он в сражениях с басурманами, рубил поганым головы бессчета и любовался предсмертными муками своих врагов... И турки прозвали его: „Иосаф Коршун“...

В разбросанном на берегу тихой реки монастыре он сделался игуменом. Рассказывали, что своими руками построил Иосаф Коршун маленькую деревянную церковь. Сам с'ездил в далекую Московию и вывез оттуда на редкость звонкие колокола... Он любил эти колокола, как музыкант любит свой инструмент. Часто среди дня — он влезал на колокольню и тихо перезванивал. И была в этом несложном перезвоне такая грусть — точно синий туман по окраинам степи, и все затихало тогда в монастыре: монахи выходили из своих келеек и слушали, и давняя жизнь вставала перед ними, и глубоко щемило сердце. А он, старый, звонил — несложно и тихо, смотрел с своей колоколенки на реку, степь и лес и звонил, и тихие слезы сами собой катились по его щекам... То была и молитва, и тоска, и воспоминание...

... Монахи любили его. Игумен никогда не допускал несправедливости. Он был вспыльчив и строг, но скоро стихал. И, как раскаяние, жалость охватывала тогда его сердце, и он прощал виновных. В нем сохранилось много черт казачьего „лыцаря“.

Был прям в словах, любил правду и, когда кто-нибудь просил у него помощи, немедленно вставал на защиту. Старый, коренастый, он в своем скиту был игуменом — тихим и добрым, любящим перезванивать на низкой колоколенке. Но если кто полночной порой прибегал к нему с вестью, что татары шалят вблизи и уже много православных побили, он немедленно садился на коня и — впереди своих монахов — мчался туда, где творилась неправда“...

... Припоминается... Куга давно уже кончилась. „Грубка“ не вспыхивает. В „теплушке“ темно... Прижавшиеся тесно к бабушке детские головенки, нервно вздрагивая, заслушавшись, сладко засыпают... Сладко, сладко грезят...

... „Тихому Дону и людям Его — мир и привет. Монастырю Преображению Господня — земной поклон. Всем православным христианам — братское целование. Пишет Божий раб Иосаф, игумен.

— Сердце тоскует за вами“...

... Где сейчас игумен? Что с ним? Бьют ли его за защиту Донской вольницы? Или, как мученик, он уже успокоился вечным сном и, в смертных сновидениях, сладко грезит о далеком Родном Крае?..

... „Сын Вольного Края, игумен Божьего монастыря — он до конца довел свое дело — дело защиты угнетенных. В чужой стороне, где „улицы узки и дома тесны“, где нет приволья и размаха, в маленьком каменном каземате, одинокий, тоскующий — он умер за то, что казалось ему правдой“...

... Чувствую, что костлявые бабушкины пальцы скользят по сонной моей голове и, нащупав ее в темноте, нежно к ней прижимаются...

Всегда бабушка такая. — Наговорит интересного и страшного — напугает нас, а потом жалеет...

Вл. Куртин.

Белое юго.

Сух и гол стоит далматинский „крш“.[1])

Уставился вниз на расплавленное олово Jadrana и тщетно ожидает появления ряби, — первого вестника благодатного „Juga“.[2])

Потрескались от несносной жары его голые вершины, пересохли старческие слезы, сгорела последняя „просячкая“[3]) одежда...

И сам гордый верх св. Юрия, привыкший свысока смотреть на толпы хмурых туч, невыдержав тяжести раскаленных лучей, пригнул свою непокорную голову...

Из иссушенных грудей планин[4]) несется немой вопль:

Жажду!

А море застыло. Ни малейших признаков ряби. Нигде ни следа капризного ветерка, этого первого предвестника сочного юга.

Короткие ночи не успевают охладить раскаленный камень, а зори без рос — освежить морщинистые лица утесов. Едва лишь выскочит огненный воз,[5]) а уж знойное дыхание гор несет ему навстречу один единственный вопль:

Жажду!

Море, как гигантское зеркало, отбрасывает каскады огня и такими же гигантскими „зайчиками“ проникает в самую душу планин, сжигая и пещерную флору.

Юга! Юга!..

И вот, откуда-то из глубины глубин моря вырвался едва заметный вздох проснувшегося Юга. Легким

[1]) Крас.

[2]) Южный влажный ветер, обычно с обильными дождями.

[3]) Нищенская.

[4]) Гор.

[5]) Поезд.

ветерком пронесся по зеркалу вод, лишь чуть-чуть взрябив его шлифованный лоск и, обжегши крылья, раскитился широким веером, разбившись на мельчайшие капельки живого серебра...

Но и этого было достаточно, чтобы встрепенулась вся прибрежная природа:

Юго!..

— Юго! закричали белокрылые чайки.

— Юго! прошептали пыльные маслины.

— Юго, Юго!.. вибрирует воздух над морем...

А обвитые горячим маревом горы, раскрыв потрескавшиеся губы-ущелья, уж приготовились впить в себя первые капли

дождя.

Пробежал еще один ветерок. Другой. Третий... Порвалось маслянистое одеяло моря. Побежали мелкие, говорливые волны. Веселей закричали чайки:

Юго! Юго!..

— Юго, Юго!.. также весело откликнулась прибрежная зелень.

— Юго, юго — облегченно вздохнули планины...

Ветер крепчает. По морю уже бегут белотемные барашки. Маслины стряхивают пыль и шепчут:

— Умоемся. Сейчас умоемся...

Горы подернулись едким известковым туманом...

— Ничего, умоемся: дождались ю г а...

Солнечный воз выскочил, окруженный сухой мглой. Около головы св. Юрия заклубились сухие известковые туманы. Едкая пыль, разносимая ветром, проникает в мельчайшие поры...

— Обман! Обман!.. Ю г о-б е л о е!..[6])

Жгучий ветер сворачивает в трубки пожелтевшие листья. Жгучий ветер гонит над морем клубы сухого тумана-мглы. Жгучий ветер бьет горячим песком в иссушенные груди планин...

А на мглистом небе — ни тучки!..

— Обман, обман — стонут планины.

— Обман: Ю г о-б е л о е!..

Сколько раз вот так случалось и с нами, рядовой казачьей эмиграцией... —

Распыленные по всему свету, мучимые тоской по своей прекрасной родине и еще больше — страхом за ее недалекое будущее; не имея возможности предпринять что-либо сер'езное для освобождения Родного Края, а, правду сказать, и не привыкшие еще политической борьбой завоевывать право свое и неразбирающиеся много в этой самой политике — каждое дуновение ветерка принимали за благодатное ю г о, несущее нам, жаждущим воли и независимости —

Волю и независимость.

---

[6]) Сухой южный ветер без дождя.

Сколько прекрасных надежд связывали мы с тем или иным „Движением".

Сколько раз стояли „перед 12-ым часом стягивания казачьих сил"...

Ибо знали одно, что кто бы ни звал „на Россию", какой бы путь ни выбрал он для „Борьбы за Россию" — вне казачьего шляха — пути туда ему заказаны. Без казачьих сил — бессилие...

И жадно тянулись — за югом. За насыщенным живительным паром южным ветром.

А встречали — обман. „Белое Юго" с его обжигающими крылья старыми погудками о „служебной роли" Казачества, с его политической мглой, в которой есть все, кроме одного: признания за Казачеством права быть и оставаться

Вольным Казачеством...

Обманули „Казачьи Думы". В „общерусское" море излилась „Вольная Кубань".

В подмосковную дорогу обернулся „Путь Казачества". А от „Родимого края" только и осталось „родимого", что окрик:

— Пресечь в корне!

Другими словами — чисто „казачье, родимое";

— Два столба — с перекладиной...

И увидало тогда зарубежное Казачество, что никаких „ветров" ему ждать не приходится, что все они для него или „Юго-белое" или „Северац", и что вне его самого — нет спасения. Ни дома, где уже давно пришли к такому заключению; ни здесь, где еще до недавна верили в общность конечных интересов сынов „общей" родины.

Разуверившись и в своих дипломированных „вождях", начали сходиться сами „люди от станка"; начали вслух высказывать свои думы и люди от кирки и плуга; заспівали старые казачьи бандуристы; жертвенным огнем взметнулась казачья молодежь — родилось

Вольное Казачество — Вільне Козацтво.

Как феникс. Из пепла сожженных кровавыми невзгодами былых казачьих

Вольностей.

Даже сами наши враги признают — „с сожалением", что в. казачье движение захватило широкие казачьи круги, а само Казачество прекрасно знает, что движение это его не захватило врасплох, ибо оно подготовлено к нему его долгой кровавой повестью.

В. казачье движение и не может не шириться. Ибо каждый „простой" казак и вне „движения" был Вольный казак. Ибо даже и те из казачьей старшины, что из тщеславия ли, или просто по неведению —

продали шпагу свою,

ныне уже заявляют, что не продали, а заложили. И выкупят „когда придет время".

Время это, надеемся, уже не за горами. И тогда все Казачество выступит единым Вольно-казачьим фронтом. И обретет право свое.

Думы и мысли.

Сергей Маргушин. (*Румыния*).

Клич.

Гей! станичники родные,
Где-ж казачий ваш размах?
Где джигиты молодые
На станичных скакунах?
Где-ж полки ваши лихие,
Кони вольных табунов?
Где знамена боевые
И порыв былых времен?
Вас, наездники степные,
Дети славы — казаки,
Ждут края ваши родные...
Их тиранят там враги.
Вы, подростки — казачата,
Воли вековой сыны,
Крепко чтить должны и свято
Преданья нашей старины.
Казачка, девушка младая,
Любовью чистою горя,
Ты братьев призывай, родная,
Спасать родимые Края!
И ты, казачка-мать степная,
Должна помочь спасти свой край, —
К груди ребенка прижимая,
Казачий дух в нем воспитай...
Тогда победа боевая
Вернет свободу вновь степям;
Былая слава, вдохновляя,
Придет на помощь казакам...

Казачьи письма.

Любезнейший друг
Василий Васильевич!

В ответ на Ваше последнее письмо по поводу интересующих Вас вопросов и, в частности, по поводу „Вольного Казачества" постараюсь, по сколько могу, дать Вам подробнейшее об'яснение.

Прежде всего я Вас уже от того времени, как мы с Вами познакомились, 24 года тому назад, считал казаком и телом, и душой. Таким Вы, повидимому, остались и по сей день.

Вы говорите, что Вы политикой никогда не занимались, что и в последнее время уже в эмиграции особенно не задумывались над тем, как произойдет наше так страстно ожидаемое возвращение домой и что будет с нами дома. Вы, как можно предполагать, надеялись, что придет-ли время для поворота, найдутся войсковые генералы, так же точно как и „генералы от политики", как и всегда они находились, когда было нужно, и поведут нас в землю обетованную к тихому и мирному житию в обновленной России. Не так-ли?

Теперь же, как Вы сообщаете, Вами овладевает какое-то беспокойство, которое Вы приписываете отчасти утомленным от долгого ожидания нервам, отчасти случайно попавшему Вам в руки номеру „Вольного Казачества".

Неужели-же Вы о нем до сих пор ничего не слыхали? Действительно, основательно Вы забаррикадировались от политики.

Как истый казак, как верный сын своего народа, Вы и раньше допускали возможность создания казачьей республики. У Вас не возникали сомнения относительно того, что казаки народ обособленный от своих соседей, хотя Вам и кажется, что русская культура создала из казаков людей в современном значении этого слова.

Относительно Вашего последнего замечания не стану особенно распространяться, хотя оно меня и задевает.

Советую Вам выписать альманах „В. К." хотя бы за последний год и там Вы найдете ответ на эти вопросы.

Укажу только на то, что ни один народ в истории не достиг под влиянием или вернее давлением чужой культуры такого развития, какого мог бы достигнуть при своем естественном росте, при независимом существовании. Сравните степень культуры малых народов самостоятельных политически, напр. Бельгии, Голландии, Швейцарии и меньшинств в любом государстве. Проследите хотя бы за жизнью последних лет одного из освобожденных после мировой войны народов.

Итак признавать возможность создания казачьей республики мало, надо убедить себя в необходимости, в неизбежности для блага народа создания независимого казачьего государства.

Вы просите порекомендовать или послать Вам какую нибудь книжку по этому вопросу, чтобы Вы могли познакомиться с ним с более или менее научной точки зрения; я бы Вам не советывал вообще прибегать к такого рода умственным вспрыскиваниям. Национализм, как и вера в Бога, есть делом сердца и путями разума не приобретается. Читайте, опять скажу, „Вольное Казачество", там найдете много материала, хотя и научно обоснованного, но исходящего из сердец искренних патриотов и действующего непосредственно на сердца.

У Вас этот огонек теплится в Вашем сердце, и я уверен, зная Ваш характер, что он разгорится и уже разгорается в яркое пламя, которого не то что не погасит, но и не поколеблет никакая „единонеделимовская" статистика.

Далее, милейший Василий Васильевич, из Вашего письма я замечаю, что Вы боитесь неосуществимости такого стремления „вольных казаков". Вы до сих пор не можете выйти из под гипноза „русского могущества" и полагаете, что целый свет, особенно бывшие союзники, готовы поддерживать восстановление „единой и неделимой". Правда, что население Казачьих Земель по сравнению с населением Великороссии весьма немногочисленно и его при возможной войне великороссы могли бы „шапками закидать", но взгляните на прибалтийские государства, каждое из них ведь еще меньше, чем будущая Казакия, однако не побоялись дерзнуть, выиграли и преблагополучно существуют как независимые республики. При чем надо заметить, что их самоопределение проходило при условиях далеко менее благоприятных, чем те, какими мы сможем воспользоваться. Да и столь устрашающая Вас война ничуть не обязательна. Многое будет зависеть от международной ситуации, а главное от взаимоотношений казаков со своими ближайшими соседями: Украиной и Кавказскими народами, а при их посредстве с дальнейшими западными и восточными или вернее южными государствами.

Что касается международной ситуации в широком смысле слова, то со времени союза Франции с Польшей и Малой Антантой пал последний оплот „единонеделимцев", т. е. надежда на восстановление в будущем франко-русского союза, направленного против немцев. Течение событий толкает настоящую большевицкую, как и будущую послебольшевицкую Россию в об'ятия немцев, как общих противников Версальского договора, т. е. как партнеров, проигравших войну. Это прекрасно учитывают члены Антанты и потому, как недавно немцы заявили в своих разоблачениях, против которых никто особенно не возражал, в Европе почти ни одно государство не желает немедленного падения большевиков, по крайней мере в Р. С. Ф. С. Р., по той простой причине, что освобожденная от большевиков Россия будет еще более беспокойным для Европы соседом, чем есть до сих пор СССР, и будет таким же пороховым погребом, каким были до сих пор Балканы.

При благоприятных условиях возможно, что по освобождении Украины, Кавказа и Казачьих Земель, Великороссия будет оставлена в покое и там еще долгое время нынешние господа положения будут продолжать свои коммунистические опыты.

Правда, что вопрос о казачьих республиках не так еще окреп в международных сферах, однако он не может остаться не разрешенным в связи с освобождением Украины и Кавказа, для которых осуществление Казакии играет большую роль.

Если же предположить, что большевики падут одновременно в целом союзе, то в Великороссии поднимется такая неразбериха, что ей долгое время будет не до „собирания земель русских". Основанием к этому предположению является то, что у обывателей Совдепии, несмотря на нынешние придавленность и бесправие, за время правления большевиков накопилась такая масса потенциальной энергии, что стоит только прорваться плотине большевицкого деспотизма, как она сейчас же разольется по всем направлениям реками, ручьями и потоками различных политических программ и стремлений от социализма до монархии, при чем и сама Великороссия не раз будет разделяться на современные „уделы".

Диктатура, о которой многие из военных кругов мечтают, первое время не будет осуществима, ибо против нее после большевицкого гнета будет все и вся. Самим же генералам с эмиграции ее не провести. Кроме того, ни один диктатор не решится применять методы управления ГПУ, а менее крутыми мерами диктатуры не удержать и короткое время.

С другой стороны, у народов освобождающихся, которым блещет заря новой неиспытанной еще жизни, эта самая идея освобождения будет преобладать по крайней мере первое время над идеями политического устройства. На этой почве легче будет сгруппировать большое количество приверженцев первого же национального правительства и под таким знаменем легче будет привести страну к относительному порядку и организации.

Опыты прошлых 1917-18 годов показали, что и небольшая группа людей, искренне преданных своему народу и обладающих достаточной энергией, бывает способна создать хотя бы временную организацию и дать отпор врагу хотя бы первое время.

В этом заключается частичный ответ на Ваши сомнения по поводу того, что между казаками в эми-

грации нет единодушия и что сторонников „Вольного Казачества“ не так уж много.

На это должен Вам еще возразить, что сторонников „В. К.“ не так уж мало, как Вам кажется, и что прибывает их с течением времени все больше и больше, в чем можете убедиться из появления на страницах журнала все новых и новых имен.

Но, каждая великая идея подобна семени в притче о сеятеле. Падает зерно всюду — в разные души. На почву каменистую — души твердые и упорные в своем заблуждении, где трудно ожидать всхода; падает при дороге, где рыщут птицы московские и выклевывают зернышки; падает на почву сухую, где остается лежать до первого дождя, затем набухнет и прорастет. Таких душ есть много. Западет в них семя, они иногда и сами того не замечают, а потом при первом дождике грядущих событий и появятся буйные всходы.

Кроме всего этого, я держусь того мнения, что при настоящем положении вещей не количество, а качество играет решающую роль. Последнее слово все же скажут наши там, дома, где не имеют значения всякие там сомнительные теории и бесполезные воспоминания о прошлом, а где ужасающая действительность немилосердно высекает в душах убеждения и решения.

И кто будет против этого слова, тот будет изменником своего народа, а измена своему народу есть тягчайшее преступление, которое никогда не прощается.

Что же касается отношения к другим народам, то они основываются либо на соглашении, либо на насилии.

Невыгодное соглашение может быть расторгнуто, а против насилия каждый в праве бороться.

К сожалению не все Вам могу сказать, одно для меня несомненно, что для нас с Вами иных путей, как освобождение наших народов, к возвращению домой нет, если же оно, т. е. наше возвращение, в течение ближайшего времени не осуществится, то... неизвестно останется ли только фантазией московских правителей „Всемирная коммунистическая революция“.

Так-то расписался, пора и кончить, но это для меня всегда вопрос по поводу которого „не могу молчать“.

С искреннейшим приветом,

Ваш **В. Карый.**

Мое впечатление от доклада профессора Маркова.

Не охоч я ходить на собрания политического характера, но вот ребята затянули меня на одно из них, где затрагивался больной для всех нас вопрос — как и что мы думаем о будущем Казачества. Особенное впечатление на меня произвел доклад нашего казака, проф Маркова. Не хотел было я говорить об этом да еще в журнале, но, ей богу, не могу и хочу поделиться с вами, казаки, где бы вы ни были, своими впечатлениями. Ведь журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“ это — как бы майдан на сходе, откуда можно речь держать. Так вот — первому на этом собрании дается слово проф. Маркову. Впервые вижу и слышу его. Казак, думаю, профессор!! Это уже хорошо.

Хорошо, дюже хорошо начал он свою речь. Не так красиво, а понятно, по-свойски, по-казацки. (Передаю своими словами).

Вот, говорит, господа казаки, — здесь сейчас у нас происходит не спор политических партий, не заседание каких либо государственных учреждений, не суд над кем либо, а простое „собеседование“ на чисто казачью, волнующую нас, тему о будущем Казачества в России. Поставленный на повестку дня вопрос слишком широк, чтобы его рассматривать только с одной стороны, нравящейся той или иной группировке казаков. Так что я хотел бы, чтобы каждый из нас, высказал не таясь, вполне откровенно, что он думает и как он понимает этот вопрос, как это в его голове представляется лучшим, более жизненным, целесообразным, более осуществимым и наиболее достижимым и желаемым для Казачества в целом. Только таким путем, мне кажется, при обсуждении данного вопроса со всех сторон, можно будет найти какую-то общую дорогу для нас казаков.

Молодец, думаю, хоть и ученый, а говорит как простой казак на сходе — по-свойски, без подкозырков!

Тут я пропускаю красное слово проф. Маркова о той кипучей, жизненно-энергичной политической и государственной мысли Казачества в дни борьбы с большевиками. Умолчу и о сопоставлении им государственно творческой работы казаков с разрухой, анархией и общественным развалом в России. Об этом вы уже знаете со страниц нашего журнала „В. К.“. Я хочу только поделиться впечатлением от взгляда проф. Маркова на нашу возможность быть свободными, жить вне подчиненности, словом — на наше будущее.

Территория?! — говорит. Ну, что же тут бояться, она слишком достаточна, чтобы иметь свое государство. Ведь территория только наших Казачьих Земель с горцами превышает не только Бельгию, Швейцарию, Португалию, Румынию, Болгарию, но даже и такое государство как Францию без колоний. Есть ли люди на ней? Не так много — их несколько миллионов, но они достаточно энергичны, жизненны, подвижны, спаяны общей мыслью — это казаки. А ведь он один стоит десятка других.

Затем проф. Марков начинает излагать про богатства наших краев, про возможности быть сытым, обутым, одетым. В кратких словах приблизительно так. Вот, говорит, смотрите — угля у нас добывалось столько, что мы могли обслуживать и свои нужды и около 300 мил. пудов вывозить на внутренний рынок России. О хлебе и говорить нечего. Каждый из казаков, побывавший за границей и в центре России в эти годы, теперь только ясно себе представляет, какое же необ'ятное количество его было у этих „диких“ кочевников казаков. Нефти хватало и для себя и для России и вывозилось на заграничный рынок. Он, проф. Марков, затронул только эти три вида богатств наших Казачьих Краев. Говорил горячо, увлекательно и так умело заставлял учащеннно биться казачьи сердца слушателей, что слушая его, я невольно перенесся мыслью туда, домой в свои края. Сижу и все перечисляю: хлеб, уголь, нефть, лесные богатства, рыбные промыслы, соль за которой еще издавна чумаки с севера фурами ходили; виноградники... Там плантации табаку, а тут бесчисленные табуны лошадей (и глазом не окинуть!), отары овец и громадные, тысячеголовые гурты рогатого скота. Сколько мяса, сколько шкур шло на фабрики „матушки“ России! Шерсть, пух... а вот, смотри, как вагонами идут яйца. А там тебе минеральные источники, целебные воды! Курорты, каких поискать во всем мире. Маныческие грязи, в которые погружается полуразвалившееся двуногое существо, а выходит здоровый, полный сил человек. А вот уже в верхних округах в вагоны за вагонами грузятся арбузы, дыни и все идет на север. Все в Москву, все для „матушки“ Москвы!

И много, много другого пронеслось в голове, всего и не перечислишь. А „он“ все продолжает рисовать радужные картины неисчислимых Казачьих богатств. Слушаю, смотрю и думаю — фу, чертяка, как же он хорошо, как красиво и правдиво умеет все передать. Хоть он и „дитё“ казака, по выражению астраханца, хоть временно и был оторван от казачьей среды, хоть на время и забыл его, хоть в него и крепко всосались условия, желания, взгляды и привычки русского человека, но потом, значит, кровь казака взяла свое. Смотри, как говорит! Да ведь все же правду. Ну, как с ним не согласиться?!

Территория большая, народ энергичный, богатств много. Значит, жить можно и без Москвы, жить и не тужить! Но... вдруг... ни с того, ни с сего, он как бы испугался, что дал волю казачьему сердцу. Как-то полуиспуганно взглянул на Мельникова, вздернул плечами да и говорит. А все таки, не смотря на это, я нахожу что мы, казаки, жить без России не можем: наше богатство заставит нас потом горько плакать. Путь один — только с Россией, только в России, только под Россией! Иначе нам гибель от богатства.

Что такое, думаю, да он ли это говорит, не ослышался ли я? После всего сказанного — делать такой вывод?! Недоумевая таращу на „него“ свой единственный глаз. Да, это он, проф. Марков, который миг назад был так близок и понятен, а теперь, вдруг... Стоит

полурастерянная, как бы извиняющаяся перед слушателями, фигура профессора и... так жалко, жалко мне стало его: да он, проф. Марков, все еще лишь „дитё“ казака, а не казак. В нем явно борется казачье самосознание с так крепко воспринятым им руссизмом, неделимством, но он его еще не изжил.

Н. М. Мельников, в своем ответном слове вполне согласился с проф. Марковым. Это — „матушка“ Россия, а мы, казаки, — холопы твои. Дону без России не жить. Он еще слишком большой молокосос, этот господин Дон, или эта Вольная Кубань. Подумаешь — „вольная“?! Молоко на губах не обсохло, а она „вольная“, а тут еще этот Терек „бурный“, а к ним в компанию идут Астраханцы — „рыболовцы, хлопцы“, а тут несутся голоса с Кавказа — „и мы с вами“, этих „свободных“ горских племен. Ну, будет ли в них прок?! Погибнете вы в реке народов „как тонут маленькие дети“, как бы говорят Мельников, Марков и иже с ними.

„Не возьму я в толк, не придумаю“. как это некоторые из наших казаков типа Марков-Мельников до сих пор не могут окончательно сбросить с себя это холопское отношение к России, как они никак не смогут расстаться с этой рабской покорностью! Как у них парализована воля быть свободным, господином своего „Я“! Неужели в их жилах застыла кровь казачья, неужели тени прошлых бойцов за вольность, свободу и честь казака не говорят им, что голову надо держать выше, что казачье имя надо не только носить, но и защищать, высоко держа знамя наших Краев. Умно обдумать и смело идти в бой! Чужого не брать,но и своего не отдавать, даже этой злосчастной „матушке“ Москве!

Она — эта „матушка“ прекрасно знает, что не она нас породила, но она сделает ласковое лицо, примет, обласкает. Ну, а потом? Потом в ней снова проснется чувство мачехи, для которой чужие дети слишком немилы, чтобы о них заботиться. И она не приминет снова наложить свою тяжелую руку на этих непослушных детей, а вы, лишенные своих полков, не посмеете пикнуть перед ней! Придет пора и снова запылают наши станицы, снова поплывут, как это бывало встарь, вниз по рекам нашим плоты с виселицами вольных казаков, снова на кольях замаячут головы храбрых атаманов. Снова встанут тени Булавина, Некрасова, Степана Разина, Митрофана „Златоуста“ Донской земли, Назарова, Кулабухова, Рябовола и других борцов за вольность казачью, за ширь степей, за славу, за справедливость и любовь; борцов за честь и доблесть казака, за гордость родиться им, за право жить и дышать воздухом родных краев, за ум, за сметку казака; поборников до смерти за „хочу быть человеком — не рабом“. Неужели память об этих жертвах „материнских“ забот Москвы ни к чему не обязывает этих Мельниковых-Марковых людей? Иль им так приятно видеть униженность казаков, созерцать их коленопреклоненное положение перед Москвой, когда снова отойдуть в область преданий такие понятия, как Круг, Рада, Атаман, булава, пернач, бунчук, вольность, равенство, казачье братство? Знайте, братцы, что как результат такого подчинения Москве, снова помимо воли, выплывет на поверхность российской жизни казак нагаечник, казак полицейский, казак покорный холоп; казак не друг, а враг какого бы то ни было проявления гражданской свободы.

Снова закроются наши школы, как „разврат“ для казаков, по выражению наказ. атамана Святополк-Мирского. Снова появятся среди вас не свои кровные, близкие, родные казаки офицеры, мировые судьи, инженеры, священники и даже профессора наук, а все чужие да злобные. Злобные да жадные, ненавидящие вас.

Так мне рисуется результат программы и взглядов Маркова-Мельникова и иже с ними. Так я представляю себе картину безапелляционного подчинения Москве. Вот этим я и хотел поделиться с вами.

Хотелось бы слышать ответ от Вас — казаки, со всех концов света белого, куда только Вас бросил рок, — что Вы находите лучшим для себя: быть богатым, но рабом безвластным, или быть богатым, но свободным казаком?

Казак Войска Донского
Александр Никанорович Трофимов.

1931 г. 8 марта.

Братья, казаки!

Вот уже много лет ручьями льется кровь там, в наших родных Краях наших братьев казаков, которых советская власть,руками русского народа, всеми приемами и способами старается уничтожить. Здесь же заграницей, вместо того, чтобы тесней сплотиться и скорей придти на помощь угнетенному казачеству, идут споры и раздоры, а из-за чего? Неизвестно. Я своим простым казачьим умом рассуждаю так: я казак и хочу им остаться и, думаю, другим тоже нет желания променять свое казачье славное имя ни на какое другое. Нам не надо смотреть и слушать, тех наших бывших руководителей, которые смотрят на казаков, как на средство своего существования.

Нам надо смело идти под славное вольно-казачье знамя, поднятое людьми, искренне преданными Казачеству, которые не боялись проводить свою идею о возрождении вольного казачества во времена „царствования“ Деникина, который умел только казнить наших братьев казаков, а когда надо было спасать подчиненную ему казачью армию, то он „благородно“ скрылся, оставив казаков на с'едение большевикам. А почему это так случилось? Да потому, что мы не были вольными казаками, а были просто рабами Деникина и К-о, да еще и потому, что не слушались тех наших братьев казаков, которые нам давали благоразумный совет защищать и устраивать свои Родные Казачьи Края, а не покорять русских крестьян на благо русских помещиков. Так давайте же теперь, пока еще не поздно, сомкнем свои ряды и пойдем под знамя Вольного Казачества, которое высоко поднято нашими неустрашимыми старыми вольными казаками. Да здравствует Вольное Казачество!

Казак **И. Евтухов.**

22 февраля 1931 г. Париж.

Ко всем казакам.

Дорогие братья, казаки всех Войск!

Прошло 10 лет, как мы вынужденно, под напором озверевшей русско-большевицкой лавины, покинули свои родные Края и ушли под защиту иностранных держав. Оставляя Родину, мы не думали так долго скитаться в изгнании, да не только не думали мы, но не думали и наши вожди, которые далеко лучше нас, рядовых, разбираются в политике, а также не думали и наши братья, оставшиеся дома под красным гнетом, что новые поработители так долго продержутся у власти.

Прошло 10 лет, а мы все еще находимся в изгнании, рассеянные по всей земле, выполняем самые грязные и тяжелые работы. По газетным сведениям и по информациям наших вождей знаем, что „близится утро, но все еще ночь“. Тяжело нам читать эти фразы, они нам надоели, прямо опостылели: ведь это же обман! Тяжело нам читать и другое: „казаки, устраивайтесь заграницей прочней“, — значит: женитесь, размножайтесь и наполняйте землю. Судя по тем же информациям, это последнее поощряется.

Братья казаки! Тяжело нам устраиваться на чужбине, когда все наши мысли там, куда нас зовет наш долг; там, где наши братья истекают кровью под игом варваров; ведь 10 лет казаков мучают всевозможными способами, 10 лет они обращаются к нам и зовут: Придите и освободите; в настоящее время злая власть придумала новый способ окончательного нашего истребления: казаков теперь высылают в самые отдаленные и по климату невыносимо тяжелые края на каторжный и бесплатный труд. Все добро наше, веками тяжелого труда накопленное, отдается в пользу пришельцев с севера, или же просто растаскивается, разграбляется... Оставшееся невысланным казачье население лишается прав гражданства, а это значит, что оно не пользуется защитой закона, загоняется в колхозы и существует там на положении рабов времен Екатерины II, а имущество опять таки разграбляется или забирается в колхозы.

Несчастное казачье население там, на Родине, и теперь все еще ожидает, что мы, ушедшие в изгнание со своим парламентом и законной властью, находящи-

еся на свободе за пределами страны варваров, что-то предпринимаем для скорейшего освобождения его от невыносимых страданий. Это подтверждается письмами оттуда.

Теперь спросим себя, что же делали эти 10 мучительных лет для освобождения родного нам Казачества мы? И что делаем в настоящий ужасный момент? Ничего!.. и ничего! Ведь стыдно сказать, что мы, жертвуя гроши в „фонд спасения родины", этим выполняем свой долг перед погибающим казачеством, а если бы нас спросили: „в какой же фонд спасения и какой родины вы изволите жертвовать? Кто им распоряжается и на что он расходуется?" — Тоже не знаем.

Братья казаки, гг. офицеры и генералы! довольно нам спать и у моря ждать погоды, довольно нам ожидать от своих Атаманов, когда они предложат тот или иной способ к освобождению Казачества от поработителей. Атаманы нас утешают тем, что близится утро, но все еще ночь. Время настало требовать от них решительных действий к скорейшему освобождению наших краев, не взирая ни на какие препятствия и жертвы и как бы они дороги ни были. Надо требовать от Атаманов созыва с'езда представителей от казаков-эмигрантов для разработки проэкта освобождения Казачества и нашего будущего там.

Братья казаки, мы бездействуем, время не ждет, враг не дремлет, Казачество на краю пропасти и еще один толчек оно будет погребено на вечные времена и мы будем прокляты нашим потомством.

9-II-31 г. Вахмистр Дон. В. **Афонин.**

Б. Л. Мангатов.

(*К годовщине его трагической смерти*).

2 марта исполнилось 13 лет со дня трагической смерти одного из выдающихся сынов небольшого калмыцкого народа, полковника Батыря Саксыковича (Бориса Леонидовича) Мангатова. В этот день мне хочется посвятить его памяти хоть несколько строк, чтобы время от времени напоминать, воскрешать и укреплять в памяти народа об одном его сыне. Делать это нам особенно необходимо еще потому, что у калмыцкого народа таких сыновей было очень немного.

Полковник Б. Л. МАНГАТОВ.

Время его смерти — было страшное время всеобщего развала, шатания умов, разброда мыслей, время широкого распространения „большевицкой болезни" в Казачьих Краях через слово и дело так называемых „фронтовиков", но вместе с тем началом пробуждения и освобождения казачьего сознания от временного дурмана. То был конец суровой зимы и предверие весны 1918 года, принесшей Казачеству освобождение. И природа и люди изживали тяжелое время и стояли накануне прекрасной степной весны и радостной политической весны Казачества. Это был канун той всевоскрешающей весны, когда солнце разгоняет холод и под его живительными лучами радостно пробуждается жизнь...

В это тяжелое время в заснеженных Сальских степях, на фоне всеобщей подавленности оставался единственный маяк, куда были обращены взоры всех тех, кто не мог примириться с новым рабством. Это были „степняки" с Походным Атаманом Поповым во главе. К этому то маяку стремился и Б. С. Мангатов, но, не добравшись до него, нашел трагическую смерть. Не суждено было ему дождаться весны в Сальской Степи, не суждено было ему дождаться и политической весны Казачества, служению которому он посвятил свою жизнь. Не суждено было ему послужить своему народу, а этому последнему не суждено было воспользоваться талантом и знаниями своего кровного сына...

С Батырь Саксыковичем я встретился в жизни единственный (первый и последний) раз и то на три-четыре часа. Это было почти накануне его гибели.

Конец страшного февраля 1918 года. Полнейшая беспутица и в политике и в природе. Еще не заглохло страшное эхо Калединского выстрела, пронесшееся по Дону провозвестником „черных дней" Казачества. Только что пронеслась весть о разгоне Донского Круга „вождем красного Казачества" Голубовым, и о его величайшем преступлении: расстреле выборного Донского Атамана Назарова и председателя Донского Круга Волошинова. Свет, светившийся из златоглавого Новочеркасска, погас. Лишь маленькая искра от него, в образе „степняков", перебросилась в Задонские степи. Широкий казачий шлях был завален трупами лучших сынов Каз-ва и лишь по оставшейся узкой тропинке, неизвестно куда ведшей, смело пошли „степняки". Политический туман тяжелым мраком ложился на Седой Дон, закрывая, заслоняя все казачьи пути.

Время было беспросветное. Люди пользовались всевозможными фантастическими слухами. Каждая весть о приближении „кадетов" вселяла надежду на скорое спасение от власти „ваньков" и каждая весть о прибытии „красных частей" вселяла в душу ужас и страх.

Незадолго перед тем в нашу станицу приезжал прапорщик Куркусов и от имени „начальника партизанского отряда" ес. Холмского просил собрать тайно людей, которые готовы были бы пойти в отряд и, обещав через неделю вернуться с новым указанием „начальника", уехал. Нам казалось тогда, что это — выход из положения. И неудивительно, что тайная запись в „партизанский отряд" быстро дала сотню людей на прекрасных конях, готовых в любой момент присоединиться к отряду и идти куда угодно, лишь бы избавиться от власти этих пришлых „ваньков". Но от „начальника" никакого распоряжения не поступило и неизвестно было — где он находится. Надежда рассеялась, „выход"

закрылся, круг замкнулся. Наступила тьма и беспутица и власть разнузданных „ваньков".

Вот в это тяжелое время, в один далеко непрекрасный день, в сумерках в'ехали во двор Уланова (ст. Ново-Алексеевская) сани, запряженные четверкой хороших коней. Из саней высадились четыре человека. То были: полковник Мангатов, войск. ст. Болдырев, ес. Макаров и сотник Абушинов, мой станичник. Вошли в дом и, прежде чем засветить лампу, просят поплотнее закрыть ставни, чтобы люди их не увидели. Оказалось, что Мангатов ездил в Новочеркасск и там от Донского правительства получил большое поручение для ведения противобольшевицкой работы в калмыцких степях и организации там партизанских отрядов. Но уже после того, как он выехал из Новочеркасска и направился в калмыцкие степи для выполнения полученного поручения, Новочеркасск был захвачен отрядом Голубова, Круг разогнан, не стало правительства, „степняки" пошли на Задонские степи.

В такое время и при таких условиях я впервые встретился с полк. Мангатовым. Но достаточно было и этой короткой встречи, отрывочной беседы чтобы проникнуться к нему большим уважением. В это страшное время его мысль занимала не его собственная жизнь, а мучительные думы о том — как бы из за него не пострадал его народ, как бы сделать так, чтоб народ меньше пострадал от этого лихолетия. Если бы смертью моею можно было предотвратить грядущие народные страдания — как говорил он.

Грустное это было знакомство, тяжелая встреча. Разговор не клеился. Всех занимали тяжелые думы. Обычно мало разговорчивый Мангатов, в такой момент еще менее был склонен к разговорам. Но из того, что он говорил, можно было понять, что душу его уже охватывает тяжелое сомнение...

— Был жив Каледин — сильна была вера, что Казачество может стать на свои ноги. Был достойный заместитель Каледина Атаман Назаров, но его казаки не защитили. А теперь, теперь...

Они часа два-три отдохнули. Поужинали. Затем стали собираться в путь и прощаться.

— Спасибо за приют, угощение. В моем положении оказывать мне приют — подвиг. У меня в настоящем — заячья жизнь. Впереди — полный мрак. Пошлет ли мне Бог счастье присоединиться к Пох. Атаману, а этому последнему — выйти на светлый и свободный путь? Один Бог знает, что с нами будет впереди... Придется ли еще встретиться...

Темная ночь скрыла его смущение от посторонних взглядов. Он бодро пошел к саням.

Трогательно простившись с нами, они пустились в свой неизвестный путь. Такова была моя первая и последняя встреча с этим благородным сыном калмыцкого народа, который горячо любил свой народ, беспредельной любовью любил красоту и прелесть калмыцкой степи, но жизнь которого, к несчастью народа и к великому сожалению самого Мангатова, прошла вне родившего его народа.

А затем... печальная весть о „без вести пропавшем полковнике Мангатове". Они доехали до ст. Великокняжеской, которая перед тем была занята отрядом Пох. Атамана, но только доехали с опозданием на несколько часов. И сын калмыцкого народа, полковник Мангатов, любимец всех казаков, знавших его, любивший „нравственную красоту в общении с людьми", попал в грязные лапы страшных зверей, в образе разнузданных, пьяных русских „красных" солдат наводнивших тогда тихую калмыцкую степь...

В лице покойного калмыцкий народ потерял одного из образованных своих сыновей, руководившегося в своей жизни интересами своих братьев, делом возвышения его имени, а также благородного человека, поступки и действия которого чаще согласовались с высокими этическими началами.

Его преждевременная и трагическая смерть должна особенно вызывать сыорбь в душах калмыков, ибо Мангатовых в калмыцком народе были буквально единицы...

Пусть эти немногие, отрывочные и бледные строки, напомнят нашим братьям о жизни и трагической кончине Батыря Саксыковича Мангатова. Пусть в этот день каждый из нас осознает свою непременную нравственную обязанность — служить интересам своего народа, пытаться везде и всюду возвышать калмыцкое имя, своими поступками и действиями вызывать к нему симпатию, приязнь, как это делал покойный.

Пусть Бог пошлет нам такое время, когда калмыцкий народ будет иметь возможность воздвигнуть памятник этому большому и благородному своему сыну...

Шамба Балинов.

Казачья пресса.

На казачьих эмигрантских „горизонтах" — „оживление". За последний месяц появилось целых два новых журнала: в Праге „Казачий Набат" и в Париже „Казачье Дело". Если прибавить сюда два номера появившегося этою зимой калмыцкого журнала „Ковыльные Волны", то сегодня мы насчитаем заграницей уже семь казачьих журналов. Пожалуй, такого количества своих печатных органов казачья эмиграция еще не имела.

Свидетельствует это об оживлении казачьего вопроса прежде всего среди самих казаков. На страницах этих семи журналов так или иначе решается казачий вопрос. Дискуссия по казачьему вопросу среди самих казаков идет полным ходом. Сейчас действительно представлены все течения (большие и малые) казачьей политической мысли печатно и публично. Нельзя сказать, чтобы это было плохо, ибо в интересах Казачества, для его спасения и освобождения в данный момент, для обеспечения его исторического будущего необходимо о д н о решение казачьего вопроса, одно — п р а в и л ь н о е и о б щ е п р и з н а н н о е, такое, за которым станет подавляющее большинство Казачества, такое, которое гарантирует и самый успех казачьего дела. И если в данную минуту нет среди казаков единства мнения по основному вопросу, то пусть эти мнения будут высказаны теперь же; пусть скорее будут сравнены разные „рецепты" решения казачьего вопроса, предлагаемые различными казачьими группировками. Сравнив их и хорошо продумав теперь, Казачество постепенно отбросит все негодные и неудовлетворительные и оставит один — наилучший. Тогда в будущем, может быть недалеком будущем новой борьбы за освобождение, казачьего политического сознания не смутят никакие „неожиданности" или новые „комбинации".

Итак, перед нами — первый номер весьма тощего и об'емом и содержанием нового ежемесячного журнала „К а з а ч и й Н а б а т", с лозунгом: „За поруганную Веру, Природного Царя и страждущее Отечество". Оказывается, что это — орган „совета казачьего центра Союза Младороссов", попросту говоря монархистов-кирилловцев.

Такова уж мода у русских. Каждая политическая группировка обязательно хочет иметь около себя и „казачий отдел" — народ, так сказать, ибо самого русского народа в эмиграции нет, есть только бывший „ведущий" слой... Нужны, конечно, казаки и русским младороссам. Ну и нашли нескольких „служак"... Думаем, что больше их там и не будет. „Служилое сословие" под водительством Богаевского или Чапчикова — все это в прошлом. Сейчас может быть лично одному двум человекам это и выгодно, но в казачьем масштабе — не серьезно.

Неопределенное впечатление производит новый парижский журнал „Казачье Дело" — орган „Лиги возрождения казачества" (тоже ежемесячник). Перед нами

— его первый номер. Из самого журнала можно вычитать, что это — орган донских самостийников. Но напрасно искали бы мы в первом номере журнала его положительную программу. Нет ее ни в обращении центрального комитета „Л. В. К." (первая страница), ни в первой статье (передовой). Характерно, что инициаторы „К. Д." в своей первой передовой говорят только о задачах „сегодняшнего дня" и то больше „взгляд и нечто".

„Казачье Дело" становится понятным только после того, как ознакомишься с программой самой „Л. В. К." Весьма возможно, что окончательную ясность в „К. Д." внесут его последующие номера, пока же все это дело рисуется нам так:

„Л. В. К." — это самостийники „впредь до" (в примечании к первой статье своей программы „Л. В. К." „допускает в принципе возможность в будущем свободного вхождения Казачьих Земель в состав Российского Государства"...), т. е. это — повторение Красновской „истории", так сказать самостийники русской ориентации. Далее, „К. Д." (или „Л. В. К.") не признает идеи одного казачьего государства — Казакии, а стоит на точке зрения существования отдельных Казачьих Земель. „Казачье Дело" и является фактически органом донской части „Л. В. К."

Наше отношение к „К. Д."? — Мы считаем, что Казачество один раз уже поплатилось — и поплатилось слишком дорого — за свою самостоятельность „впредь до", чтобы желать повторения этого еще раз.

Нет, „К. Д." не дает хорошего решения казачьего вопроса. Особенно подчеркиваем отсутствие программы у „К. Д." А кто не дает своей положительной программы, тот ее или не имеет или имеет основания не говорить ее вслух. Сохраняя руки „развязанными", он может повернуть в будущем куда угодно. — Казачество идти вслепую впредь не может. Не выгодно это ему.

Подлинные, искренние самостийники не будут сейчас уже создавать новых „самостийных" группировок, а станут в ряды уже существующего самостийного вольно-казачьего движения. Новые „параллельные" или „соседние" организации будут создавать или еще „ищущие", или „не перебродившие", или — имеющие свои специальные цели, о которых заранее вслух не говорят.

После большого перерыва вышел очередной номер „Казачьего Сполоха", ныне — органа „Общеказачьей Станицы окончивших высшие учебные заведения и студентов в Ч. С. Р. (№ 1-22, март, 1931) — под редакцией атамана Станицы П. Д. Приказчикова и М. Т. Гребенникова.

По своему содержанию настоящий номер „К. С." выгодно отличается от номеров предыдущих. В первой статье Правление Станицы заявляет, что „молодая интеллигенция об'единилась не для борьбы с теми или иными политическими течениями, существующими в среде зарубежного Казачества, а для взаимной выручки и поддержки на чужбине". Станица „будет свято хранить и в будущем наши веками освященные традиции и обычаи и непреклонно проводить в жизнь законы Казачьих Конституций"... Еще более определенно самостийное настроение „К. С." выявилось в статье М. Гребенникова — „Да здравствует Казачество Вольное, а не служилое рабско-сословное". ... „Не умерло Казачество. Оно живет. Оно будет жить. Мы, находясь за рубежом родной Земли Казачьей, передохнув, запасшись знаниями, снова поднимаем свой голос за Казачество, за Казачество Вольное, а не служилое рабско-сословное..."

Весьма кстати редакция поместила некоторые места из Донской Конституции, — кто память короткую имеет — для напоминания, кто помнит — для укрепления.

Статья П. Приказчикова „Самостийность и донские анархисты" не закончена. Автор полемизирует с г. Мельниковым, нападающим на самостийников.

Хороши некоторые стихотворения. Иные и весьма показательны. Не можем не привести здесь одного из них — стихотворения Д-ра Н. Келина, до недавна во всяком случае самостийником себя не считавшего. Вот оно:

Что, Москва, напотешилась вдоволь
Над чубатым людом моим?
Я... доныне тебе не подмога-ль...
В нашу дружбу вбиваю клин.

Наш язык одинаков... так что же?..
(Ты не хмурь соболиную бровь)
Да, не любим мы рабьих стежек,
А прощать не велит кровь.

От Петра до безумного Павла
Что, Москва, дала ты нам?..
Много буйных голов лишь сняла
По запольным бурунам...

Хорошее впечатление производит калмыцкий журнал „Ковыльные Волны", выходящий (непериодически) в Париже и издаваемый примыкающей к вольно-казачьему движению калмыцкой группировкой „Хальмак Тангачин Тук" — „Знамя Калмыцкого народа".

Перед нами — второй номер этого журнала. В редакционной статье „Предпосылки и основные положения платформы „Хальмак Тангачин Тук" — читаем:

... „Х. Т. Т." полагает, что самым лучшим исходом для нашего народа, самой лучшей государственной формой, обеспечивающей ему его национальные права, обеспечивающей условия нормального национально-культурного, религиозного и хозяйственного развития, одним словом для целесообразного и плодотворного развития всех его творческих сил — было бы установление независимого федеративного казачьего государства". Поэтому и „Х. Т. Т." своей первейшей и необходимейшей задачей ставит: 1. „Борьбу за освобождение своего народа, совместно с Казачеством, от власти другого народа, и 2. Содействие, в меру своих сил, установлению независимого Казачьего Государства из Донского, Кубанского, Терского и др., основанного на началах народоправства, одной из составных и равноправных частей которого (государства) должен быть и народ Калмыцкий".

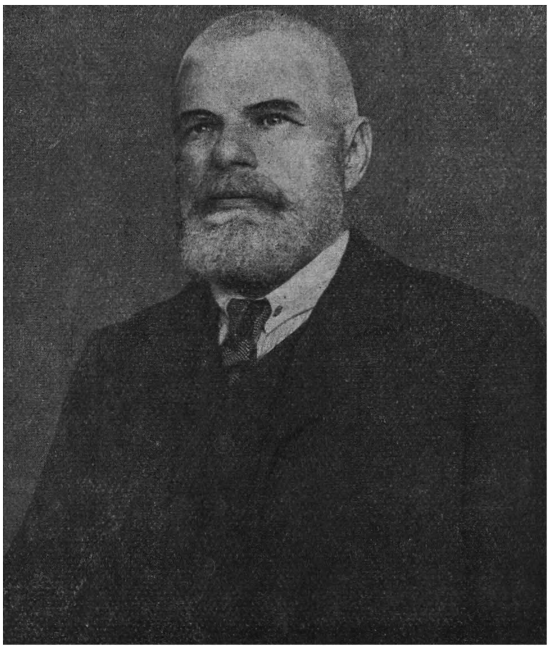
Как и в первом номере, так и во втором много исторического, бытового и литературного калмыцкого материала, что очень ценно, т. к. конечно же калмыков знать от калмыков самих — лучше всего; а знать их нам, казакам, следует хорошо. Жили и работали, а потом и воевали за свою долю вместе в прошлом; будем жить и работать, а если придется (придется!) бороться за свое будущее, то бороться будем опять вместе. Эгу, т. сказать, „калмыцкую" часть журнала „К. В." мы бы весьма искренно советывали редакции „К. В." поощрять, совершенствовать и увеличивать, Что же касается полемической части или обзора всяческих „старых страниц" всяких журналов, то не менее искренно советывали бы всего этого избегать: такой материал портит впечатление. Да и нужен ли он, особенно старый материал?

Кроме калмыцких, на страницах „К. В." встречаются и казачьи авторы, чего тоже нельзя не приветствовать, как знака казачье-калмыцкой дружбы и сотрудничества.

Я. И. Лопух.

3 апреля (21 марта по старому стилю) исполняется 60 лет нашему сотруднику Якову Ивановичу Лопуху. Поздравляя Я. И. с таким почтенным юбилеем и желая ему много сил и здоровья на трудном эмигрантском пути, мы позволим себе хотя бы в самых общих чертах познакомить читателей „В. К." с прошлым нашего юбиляра.

Родился Я. И. Лопух 21 марта (по ст. ст.) 1871 года в станице Старо-Мышастовской, на Кубани, в простой и бедной казачьей семье. В детстве, пася телят или лошадей на станичной толоке, молодой казаченок любил сидеть на „Козачій" або „Високій" могилі и любоваться степным простором, далекой синевой закубанских гор и слушать казачьи песни.

Я. И. ЛОПУХ.
К его шестидесятилетию.

По окончании начального училища, начал ходить в станичное правление учиться „писаревать". В 13 лет Я. И. получал уже за писарство по 5 руб. в месяц. Будучи „писарчуком", несколько раз пытался поступить куда либо на службу: или в почтовое ведомство, или в окружной суд канцелярским служителем (писарем), или на железную дорогу... Но, тщетны были такие попытки, никак они ему не удавались: казаков в „учреждения" принимали неохотно. Когда, напр., молодой Лопух лично подал докладную записку начальнику Екатеринодарской почтово-телеграфной конторы Медведеву, последний ответил ему: „У казаков есть земля, обрабатывайте землю, а в почтовое ведомство надо пристраивать безземельных крестьян да мещан".

В 1891 году Я. И. поступил в фельдшерскую школу при Екатеринодарской Войсковой больнице, но за „громкое" поведение (несмотря на даже „громкие" успехи) был из школы исключен и командирован на службу простым казаком в 1-й Черноморский полк. Службу окончил в 1898 году вахмистром.

В октябре 1898 года Я. И. выдержал экзамен на звание учителя начального училища с правом преподавания в двухклассных училищах, а в январе 1899 г. был назначен учителем в Гурийское одноклассное училище. В феврале того же года Я. И. написал первый свой рассказ „Похороны учителя", который и был напечатан в Кубанских областных ведомостях.

В сентябре 1899 г. Я. И. Лопух был переведен 2-м учителем в Камышеватское двухкл. училище, где позже был и заведующим тем училищем. В ст. Камышеватской Я. И. прослужил 10 лет. Все это время он принимал деятельное участие в организации и в управлении местного ссудо-сберегательного товарищества. В 1909 г. Камышеватское двухкл. уч. было преобразовано в городское, а Я. И. был переведен заведующим Копанским 2-х кл. училищем.

В 1911 году Я. И. переходит на службу в Управление Ейского отдела, где исполняет должности: младшего делопроизводителя, участкового начальника, помощника ад'ютанта и старшего делопроизводителя.

1917 год застал Я. И. в должности участкового начальника. 6 августа 1917 г. собранием уполномоченных станиц Ейского отдела он был избран членом Кубанского Областного Продовольственного Комитета.

Осенью 1917 г. Атаманом Ейского Отдела в стан. Уманской был созван казачий с'езд. С'ехались представители всех станиц Ейского отдела. В целях об'единения казачества для борьбы с надвигающимся большевизмом, было решено организовать „казачий союз". Председателем правления союза был избран генерал П. И. Кокунько, а Я. И. Лопух — его товарищем. Правление союза начало было издавать и свою газету „Голос Уманского Коша", в которой Я. И. принимал самое деятельное участие...

Дальше — война, эвакуации, эмиграция... 10 лет эмиграции — десять лет упорного труда и борьбы за существование. Но, не единым хлебом жил тяжкие годы изгнания Яков Иванович... А когда повстало В. К., Я. И. примкнул к в. к. движению, став постоянным сотрудником нашего журнала.

Дай же Бог, чтобы Я. И. в полном здравии своих сил вернулся еще на свою освобожденную, любимую им Кубань и там послужил казачьему делу, делу казачьего государства — Казакии.

Казачья эмиграция.

Казачья эмиграция Д. Востока.

Климат Д. Востока суров, доходящий до 50 гр. ниже нуля. Так же сурова и окружающая природа. Но и здесь жизнь так же бьет ключем, как и везде, только эту жизнь мало освещают, а поэтому ее мало знают, а то и совсем не знают обитатели прекрасной Европы и счастливцы Америки.

На Д. Востоке казачья эмиграция велика; сюда отступили: Войско Оренбургское, часть Уральского, Семиреченское, Енисейское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское, под предводительством своих Атаманов. Но, в силу многих обстоятельств, эти казаки остались сиротами и в одиночестве, без своих Атаманов и пр-в. Часть Атаманов, как Ат. Дутов, были убиты предательскою рукою, а часть, прихватив Войсковые суммы, смотались во свояси, оставив на произвол судьбы казачьи массы, и живут в свое удовольствие, транжируя средства, занимаясь разводами и женитьбой, посещая изысканные курорты Дайрена. Есть и такие, которые продают уведенные из Владивостока пароходы... Есть и такие, которые переметнулись к красным, предав казаков.

Правительства этих Войск также не существуют; те, кто из них прихватили Войсковые суммы, живут в свое удовольствие, чуждаясь казачьей массы, а тех, кто пытался обращаться за помощью или советом, выталкивают в шею. Те же, кто оказались без Войсковых сумм, живут и голодают.

Так казачья масса была предоставлена сама себе,

бродя в одиночку, что и использовали в своих интересах разные авантюристы.

Всем известная авантюра Меркулова на Д. Востоке обошлась дорого казакам; такие типы, как ген. Шильников, запродали казачью эмиграцию китайск. генералу Чжан-Чжу-чану по пяти дол. за голову и погнали казачью массу на убой...

Поля Китая усеяны могилами, не одна тысяча сложила там свои буйные казачьи головы, а за что и во имя чего? Часть казаков разочаровалась в „вождях“ и ушла к красным, а часть крепится в изгнании и уже не верит „вождям“, а ждет своего возвращения самостоятельно, живет инстинктом; печатного слова казачьего здесь нет.

Казаки: Соломахин, Журавель и Макаров на своем бивуаке на одной из вершин сопки в Маньчжурии в 1929 году.

Казак-охотник с добычей, весящей 23 пуда.

Все же, не все и не всегда уж так мрачно здесь. Прилагаемые фотоснимки свидетельствуют о том, что брошенные на произвол судьбы казаки не погибают, а проявляют инициативу, добывая хлеб насущный и в то же время проявляют чудеса храбрости и мужества.

Достаточно познакомиться с охотой на властелина лесов и хребтов суровой Маньчжурии тигра, чтобы осознать тот риск, которому подвергаются эти смельчаки-охотники. Мало найти в непроходимых дебрях и убить великана-тигра, но нужно поймать живьем и посадить его в клетку. Посадить для того, чтобы прелестная Европа и счастливая Америка приходили в восторг, рассматривая их в зверинцах.

Кто же эти смельчаки-охотники?

Да те же казаки, ныне Уссурийцы, Амурцы, Забайкальцы и Сибиряки, — все они потомки Ат. Ермака Тимофеевича и выходцы-переселенцы из Дона, Кубани, Терека и Украины.

Вот Уссурийцы: Ф. П. Соломахин, Журавель и Макаров. Ф. Соломахин — переселенец из Кубани, ста́н. Сторожевой.

В 1929 году эти смельчаки поймали живьем и посадили в клетку тигра, которого и продали конторе Кунст и Альберс (немцам) за 1.200 иен, а контора перепродала этого тигра в один из зверинцев за 5.000 иен, заработав 400%, не трудясь и не рискуя жизнью.

В 1930 г. они поймали живьем и посадили в клетку 2-х тигров, которые сейчас доставлены в Харбин и продаются, но спекулянты уже дают только 1.000 иен за двух, желая заработать 1.000%.

Просьба охотников, настоящее поместить в „В. К.“ Адрес главной квартиры охотников: Маньчжурия, гор. Харбин, (Китай) ст. Селимхэ, КВЖД, Ф. П. Соломахину.

П. Ковган.

В Париже.

— 15 марта сего года в Париже (64, Сен Доминик) состоялось собрание членов Общества Ревнителей Казачества. Председатель Общества Е. Якименко прочитал исторический реферат из жизни Кубанских казаков времен жестоких столкновений казаков с черкесами. И. А. Скобелин прочитал письменный протест („Необходимое раз'яснение“) против допущенных Н. Мельниковым искажений в отчете об его докладе в Каз. клубе (журнал „Р. К.“, №. 2). Протест этот вызвал шумное одобрение присутствующих и все они из'явили желание под ним подписаться. Затем произведен был выбор дополнительного члена правления Общества. Избранным оказался И. А. Скобелин.

— 8 марта состоялось собрание Каз. Клуба, на котором прочитал доклад г. Аврамов на тему „Взаимоотношение казаков и иногородних“. Несмотря на широкую рекламу, присутствовало на собрании не больше 10-ти человек. Присутствовавший на этом собрании член Донского Войскового Круга N рассказывает, что ему стыдно было за докладчика. У него на руках была брошюра „Крестьянской России“ (№. 8) о крестьянах в казачьих Краях. Он читал эту брошюру и одновременно слушал „докладчика“. Оказалось, что весь доклад точь в точь списан из этой брошюры. Ведь можно же пользоваться выдержками из чужих трудов, но списать весь чужой труд и публично выдавать его за свое — просто не хорошо...

Присутствовавший на собрании простой казак в середине доклада поднялся, громко сказав: „скучно, слушать нечего“ и ушел.

То, что говорят в клубе, казакам неинтересно. Там нет казачьего духа, там устами казаков говорят русские, как в данном случае устами „докладчика“ говорила „Крестьянская Россия“, — говорят казаки.

(Соб. кор.)

Из жизни калмыцкой колонии во Франции.

Втягиваться в условия фабрично-заводского труда, с его надоедливыми призывными гудками, с его коптящим все небо дымом, с режущим ухо грохотом и лязгом стальных машин особенно трудно нам, калмыкам, привыкшим к простору степей и привольному, приятному труду на лоне природы. Но, делать нечего. Там, на родине, царствует враг, злой и беспощадный, здесь — чужбина, со своими обычаями и законами, а кормиться как-то надо. Многие молодые калмыки с большими затратами энергии приобрели всякие специальности для облегчения работы, но легкие и хорошо оплачиваемые работы даются везде и всюду своим, а нам, будь ты специалист или не специалист, удел один — физический труд.

Калмыцкая колония в Парей-Ле-Мониале одна из больших колоний во Франции, в ней около 50 душ. Работали мы раньше в Десине на фабрике искусственного шелка. Условия квартирования и оплата труда были здесь довольно сносны и, привлекаемые этим, мы довольно долго и упорно там держались. Но скоро выяснилась вредная сторона этой работы. Имея дело с различными химическими веществами, калмыки начали болеть разными болезнями и за один год пришлось похоронить пять человек и почти стольким же потерять трудоспособность. Умерли: 1) Джаб Менкелев, Платов-

ской станицы — 40 лет, от вздутия живота, 2) Санжа Дакугинов — 26 лет, Платовской станицы — от чахотки, 3) Басан Пуринов — 22 лет, Платовской станицы — тоже от чахотки, 4) Антон Амурханов — 29 лет, Платовской станицы — туберкулез и 5) Сергей Даржинов — 35 лет, — Астраханец — от неизвестной желудочной болезни. Потеряли трудоспособность: 1) Бадьма Уланов, Граббевской станицы 38 лет, сердечная болезнь — отнявшая у него ум, 2) Дава Алексеев — 58 лет, Батлаевской станицы, паралич правой части тела, 3) Исай Кворинов — Батлаевской станицы — туберкулез, и много других вышло из строя с различными заболеваниями головы, уха и пр.

Такое наглядное явление заставило нас пренебречь указанными выгодными условиями и искать другой, более здоровой работы, хотя меньше оплачиваемой. К нашему счастью прибыл к нам агент одного завода, некто Нейдышев, и предложил нам возможность устройства на фабрику, которая вырабатывает плитки для устилки полов, печек и пр. Условия, обещанные Нейдышевым, были весьма привлекательны и мы все записались у него, выражая готовность переселиться. Завод оказал помощь на дорогу и мы перебрались. Условия, правда, оказались не столь блестящими, но все же работать и жить можно; вредных влияний особенных не чувствуется, постепенно поправились и условия квартирования, которые сперва были неудовлетворительны. Кроме всего, „наш" завод оказался тем хорош, что не подвергся безработице и нет сокращений служащих. Отношение дирекции к рабочим хорошее.

По переезде мы образовали свою калмыцкую организацию, „Калмыцкую колонию в Парей-Ле-Мониале", председателем правления выбрали Аршинова, писарем к нему Андрюшкина. Получаем и с интересом и сочувствием читаем журнал „Вольное Казачество" от его представителя Иванова Бадьмы. Большую радость вызвало здесь появление первого калмыцкого журнала „Ков. Волны" с ясной политическо-национальной программой и он здесь читается с большим интересом. Многие из нас по силам собираются сотрудничать и помогать начинателям. Национальное самосознание наших членов проснулось. Недавно производили сбор пожертвований на содержание хурула в Белграде и все дали по пять франков. Сбор поручили делать Морзе Манжикову.

Были у нас и казаки джигиты, своей работой и искусством доставившие нам много наслаждений и приятных воспоминаний о недавно минувшей и так нетерпеливо ожидаемой жизни в будущем. Есаулу Юркову и его команде джигитов большое спасибо.

Так живем и работаем мы здесь.

Учур Алексеев.

Кубанский хутор в Лионе.

Гор. Лион — центр промышленности во Франции: здесь имеются сотни фабрично-заводских заведений, насчитывающих десятки тысяч рабочих.

Наряду с тысячами рабочих различных национальностей, тяжелым и честным трудом зарабатывающих себе насущный кусок хлеба, заметны здесь и сотни казаков. Кой когда, нет да услышишь в улицах Лиона поздним вечером звуки казачьей песни: то казаки, проработав за станком битых десять часов, сойдутся вечерком в каком нибудь кафе и отводят душу...

Ой сів пугач на могилі
Тай крикнув він: пугу!..

поется в старинной Запорожской песне у нас на Черномории.

... Буде добре козаченькам
І під турком жити...

Хотя через голову вертись, хотя в дугу согнись, а что во лбу врыто, то уж и на горбу открыто... „Кубань была (там), есть (в сердцах у нас) и будет (наша воля)", — пьем хмельную брагу и один из нас заводит—

Ты Кубань, ты наша Родина...

Для кого это песня, для кого — Войсковая, а для нас — это наш Кубанский Гимн?..

И поэтому нет ничего приятнее для нас (здесь в Лионе), как побывать в гостях у своих братьев, собравшихся до купи в Кубанском казачьем хуторе.

С трепетом сердечным слезаешь с трамвая №. 2 в Montchat (предместье г. Лиона), проходишь быстро площадь и, прошмыгнув через палисадник, стремительно взбегаешь на второй этаж обширного кафе-ресторана, где помещается хутор.

Когда-бы, кто-бы ни пришел, а навстречу уже спешат радушные хозяева, первым всегда, конечно, г. хуторской атаман.

Надо сказать, что славу хутору создали двое атаманов: полк. Романцов (член Рады) и есаул Еремин. Много дельного и доброго сделали они (Романцов и Еремин) и их сподвижники-хуторяне.

Кто не помнит Кубанский казачий хор в Лионе, кто не знает жертвенности казаков Кубанского хутора; пришел голодный, будь-то казак, будь не казак, дали денег, накормили, напоили да еще и приласкали от всего сердца; умер кто, похоронили на свой казачий счет; кто заболел, во-время поддержали; без работы кто остался и тут не забыли.

Но не только этим живы в Кубанском казачьем хуторе в г. Лионе, помнят там, что помимо серой будничной жизни и ее забот, есть еще и высшие стремления, высшие идеалы!..

Прислали повстанцы с Кубани письмо до казаков-эмигрантов с просьбой о помощи; кликнули клич о поддержке их — Кубанский и Терский Атаманы. Кто первый отозвался, кто одним из первых послал в кубанскую казну деньги на спасение Кубани?.. Кому надо знать, тот знает, а скромность кубанских казаков г. Лиона (хутор в Montchat) еще более оттеняет их заслуги.

Не забыта в Кубанском казачьем хуторе и культурно-просветительная часть; имеется клуб, небольшая библиотека и даже труппа из артистов-любителей, которая, к слову сказать, великолепно исполнила „водевиль" на встречу Нового Года (1931 г.).

Много сделано на пользу об'единения кубанских казаков в г. Лионе, как старым хуторским атаманом полк. Романцовым, так и настоящим, есаулом Ереминым, не мало делается и их сподвижниками казаками-хуторянами.

„Козак щирий не боїться
Пекельного руху,
А в неволі більш придбає
Козацького духу".

(Ненько рідна — Кубань моя бідна! — *Мартин Забігайло*).

П. К-а.

Общеказачья об'единенная станица в Лионе.

На станичном сборе, имевшем место в начале марта с. г., состоялись перевыборы станичного атамана и всего состава станичного правления. Новым ст. атаманом избран есаул Крупицын (терец), помощниками — есаул Качалин (донец), терец Чернышев и кубанец Мельников, казначеем есаул Мыльников (донец), писарем сотник Сидоренко (терец).

Станичный сбор единогласно постановил благодарить весь состав старого правления, так много сделавшего для станицы в 1930 году.

Есть вера и надежда, что и настоящий состав станичного правления будет стоек в отстаивании интересов и задач казачества, как и прошлый.

А. П.

Ответ на ложь.

В журнале „Родимый Край" №.2 помещена информация, посвященная образованию так наз. „Провансальской казачьей станицы" в Марселе.

Какая ложь во всей информации!

Автор пишет, что на состоявшемся 18 января с. г собрании казаков всех казачьих Войск построена на развалинах Марсельской общеказачьей станицы, новая „Провансальская казачья станица", и что в тот же день в состав станицы вошло 55 человек казаков, намеренно умолчав о не казаках, присутствовавших на том же собрании, принимавших участие в построении новой станицы и оставшихся в ней равноправными членами.

Каким это образом состав станицы в тот же день стал в 55 человек, когда на собрании присутствовало всего лишь тридцать два человека, вместе с не казаками?

„Провансальская полуказачья станица“ построена на развалинах „Марсельской общеказачьей станицы“ не могла быть, а построена параллельно существующей, ибо последняя существует уже семь лет и будет существовать.

В перечислении групп участвующих в построении станицы сказано, что участвовала группа Терцев во главе с полковником Панкратовым и есаулом Солнышкиным. Интересно, кого же они возглавляли, когда их было только двое? — Разве один другого!

Дальше автор пишет о платформе, на которой построена новая станица: „будучи верными заветам седой старины и казачьим вольностям“. Невольно хочется спросить автора, разбирается ли он в этом, так как дело показывают противоположное.

Автор говорит о составе станицы, которая, по его мнению, продолжает, расти, об'единяя всех казаков Марселя и его окресностей. Как жалко, что даже и в этом автор не мог разобраться. Фактически состав станицы не растет, а уменьшается и не об'единяет казаков, а раз'единяет, о чем говорит выход из нее, начавшийся через три недели после образования станицы, не только одиночек казаков, но и целых групп.

Не скажет ли автор, который пишет, что казаки, возмущенные работой самостийников, уходили из Марсельской общеказачьей станицы, почему же казаки выходят из „Провансальской к. станицы?“ ведь там самостийников нет, а ушло уже более двадцати человек, в том числе полковник Секачев, хор. Вьючный, ес. Солнышкин и др.

Если по понятиям автора, устроенную 1 февраля с. г. Провансальской станицей, танцульку, можно назвать концерт-балом, то ничего не остается сказать, как: ври, но, в конце концов, знай меру. Автору нужно было бы посетить концерт-бал, устроенный Марсельской общеказачьей станицей в прошлом году, чтобы в будущем мог различать обыкновенную танцульку от концерт-бала.

9-III 1931 г. П. Нос.

В Болгарии.

В Болгарии, в городе Горно-Ореховице есть чешская сахарная фабрика, славящаяся по размеру выработки и качеству сахара на всю Болгарию. Маленькая Болгария одних сахарных заводов имеет 6, между которыми чешская занимает первое место.

В 1922 году весною прибыли мы — четыре хуторца — после 6 месяцев работы в шахтах в Горно-Ореховице, чтобы поступить на эту фабрику. Здесь работали уже сотни казаков, между которыми был и наш командир бригады генерал Клочков, который и стал за нас хлопотать вместе с нашими станичниками.

Дело оказалось не легкое и целый месяц мы просидели, ожидая приема „завтра“. Потом махнули на завод рукой и пошли в город Лесковац, что в полутора километрах от Горно-Ореховица. Скоро после нашего прихода сюда пишут нам (наш бригадный и станичники), чтобы мы непременно пришли и что можно устроиться, но нам уже жаль было бросать места, которыми обеспечились на все лето. Работать приходилось всякую работу.

С осени стал я торговать и через год, как торговец женился я на чернобровой болгарке. Вскорости капитал мой кончился, потому торговля пришла в низость и мы с супружицей поехали на текстильную фабрику. Через 8 месяцев я с семейством вернулся в Лесковац и поступил на сахарную фабрику в Горно-Ореховице. Оказалось, что к этому времени и десятой доли казаков там не осталось. Как птицы перелетные разбрелись они, кто по Болгарии в поисках лучшего места, а кто и из Болгарии выехал во Францию и Россию. Те, кто поехали в Россию сперва писали, что живут дома, но потом родные их сообщили нам, что все возвращенцы сидят по тюрьмам.

Вот сидим мы здесь и видим, как счастливо и хорошо живут и болгары, и особенно чехи. Был их праздник — день освобождения. Все радостно поздравляли друг друга, вывесили свои национальные флаги, гуляли, пили за свою свободную республику, за своего президента Масарика и видно, что у всех на душе радость и праздник. Вот и думается невольно, почему мы — казаки не можем свободно жить? Почему мы не можем себе так же понастроить фабрики и заводы, ведь всего у нас для этого достаточно. А что касается России, то она нам не только ничего не строит, а даже последние амбары забирает.

А потому дай Бог успеха родному „Вольному Казачеству“, чтобы оно дало нам счастье вернуться в Казакию и увидеть там наш национальный сине-малиново-желтый флаг. Чтобы в день освобождения, как чехи, мы радостно праздновали и пели наши древние песни:

„Как на вольных-то степях
Степях-то равнинушках,
Жили были там проживали люди вольные,
Все донские, гребенские, казаки яицкие.
Собирались они, с'езжались во единый круг
И думали-то они думушку единую“.

С. Пескунов.

Новый казачий хор.

В Новом Саду (Югославия) образовался новый хор кубанских казаков под управлением П. Тарасова.

22 марта хор этот впервые поет в городской Успенской церкви.

Г. А.

Письмо в редакцию.

М. Г., г-н редактор!

Прошу не отказать поместить на страницах В. журнала следующее:

В журнале „В. К. №№ 41-42 от 25 августа 1929 г. была помещена статья, посвященная 40-летию литературной деятельности Алесандра Ефимовича Пивня. Все мы читали произведения Ал. Еф. и восхищались их красотой. Такие поэты у нас редки и наша обязанность оказывать им посильную помощь. Как раз в номере 70 „В. К.“ мы читали о тяжелой болезни Ал. Ефимовича, лишавшей его полнейшей возможности не только зарабатывать на себя эмигрантский „кусок хлеба“, но дорогой наш поэт остался без медицинской помощи и всякого присмотра. Думаю, что казаки не останутся глухими к стонам страдающего истинного казака, отдавшего всю свою жизнь на благо казачества, и придут к нему на помощь. Плохо теперь живется всем казакам и не обладают они денежными запасами, но каждый грош казака в общем даст возможность воспользоваться Александру Ефимовичу медицинской помощью и будет свидетельствовать о нашей казачьей солидарности. Мы, казаки, проживающие в Граеве, (пишущий эти строки, Д. Лымаренко и А. Горбатов) открываем подписной лист и пересылаем А. Е. через посредство редакции „В. К.“ 22 з. 50 гр.

14-III-1931. С уважением, Вл. Еремеев.

От ред: деньги эти, вместе с другими, переданы редакцией по назначению.

Милостивый Государь, Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить отчет о пожертвованиях, собранных О-вом Ревнителей Казачества в пользу старика-писателя кубанца А. Пивня.

Жертвователями были: Ш. Балинов 20 ф., И. Скобелин 15 ф., Елисеев 10 ф., Лысенков 5 ф., Евтухов 5 ф., Затенко 5 ф., Еф. Якименко 5 ф., Вера Якименко 5 ф., Чертков 5 ф., Яковенко 5 ф., Щепкин 2 ф., Алистратов 2 ф., Горшенев 5 ф., Пущин 2 ф., Левит 2 ф., Киктев 2 ф., Андоров 2 ф., Онищенко 5 ф., итого сто два франка (102 ф.), каковая сумма за округлением и переслана А. Пивню в Югославию.

Маленькая наша поддержка, но мы просим всех братьев казаков оказать посильную помощь старому писателю-казаку. О-во Ревнителей будет продолжать сбор пожертвований для этой цели и просит казаков, проживающих во французской провинции, посылать свой трудовой грош на имя председ. О-ва по адресу: E. Jakimenko, 29 rue de la Tour Malakoff (Seine), и как только соберется подходящая сумма, она немедленно будет переслана по принадлежности, а отчет будет печататься в журнале. Надеемся, что казачье сердце останется попрежнему отзывчивым.

Предс. О-ва Ревнит. Каз-ва **Еф. Якименко.**
Казначей **Е. Чертков.**

12 марта 1931 г. Париж.

Необходимое раз'яснение.

(*Письмо в редакцию*).

„Судьба Казачества
в Его собственных руках".

Мы, казаки, присутствовавшие на собрании Казачьего Клуба, где состоялись прения по докладу Н. М. Мельникова на тему о „Положении Каз-ва в будущей России", прочитали во втором номере журнала „Р. К." отчет об этом докладе. Прочитали и ужаснулись. В напечатанном отчете обильно смешались бессцеремонные извращения чужих слов, подтасовки, навязывание своим противникам слов, ими несказанных, с приписыванием себе слов, там не произнесенных, отказ от своих слов, на собрании сказанных, но не выгодных.

И стало нам стыдно. Стыдно потому, что г. Мельников все же когда то занимал „высокий пост" на Дону, и теперь еще упорно продолжает присваивать себе почетное кресло на „центральной казачьей линии". Правда, по его „полезной" общественной деятельности в эмиграции, мы до некоторой степени уяснили себе его подлинную духовную и казачью сущность, но все же такого литературно-журналистического варварства в нем не предполагали.

Не затрагивая все другие искажения, укажем хотя бы на следующее. Он, Мельников, высокомерно-пренебрежительно проходит мимо выступления Скобелина и сводит его только к попытке доказать, что Донские представители заграницей раньше якобы говорили не то, что они говорят теперь. А внизу, в выноске, пишет, что оратор (Скобелин) не огласил ни одного места, под которым докладчик не подписался бы и теперь.

Между тем Скобелин защищал Донскую Конституцию, незыблемость ее, что раньше (до появления „ВК") делал и сам докладчик, в подтверждение чего приводил соответствующие цитаты из прежних статей Мельникова. „Казачество очень ценит свои вольности и свое право и возможность устраивать порядки в своих Краях т а к, к а к о н о с а м о х о ч е т. К централизму, тормозившему свободное развитие казачьих областей, Казачество симпатий не питает" — писал г. Мельников в Париже 20 июня 1924 г., в „Информационном Листке", № 6.

... „Партийные люди упрекнут нас за „неопределенность". Мы же сошлемся лишь на слова Дон. Войск. Круга, в указе его, единогласно принятом 20 сент. 1918 г. и обращенном по адресу русских крестьян: „намерения навязать царскую власть России у казаков нет. Нет желания ломать копья из-за республики — это дело самого русского народа", — писал тот же Мельников в „Сводке" № 3 в 1926 г.

Эти цитаты были оглашены Скобелиным на собрании в подтверждение Осн. Зак. ВВД и в доказательство того, что Мельников держит свой нос по ветру. Подпишется ли Мельников под ними теперь?

Раньше г. Мельников казачью свободу и вольность понимал иначе, чем теперь, теперь же он утверждает, что „вольности эти могут быть и при нахождении Казачьих Краев в составе России, как это было и при Каледине".

Такое понимание казачьей вольности, говоря мягко, нас удивляет. Мы спрашиваем: 1) Неужели г. Мельников желает казакам такой вольности, „как это было при Каледине"?. 2) Неужели он еще желает Каз-ву такой жизни с „Калединским концом", когда милая его сердцу „кровная" Россия задушила казачью свободу, убила и убивает десятки тысяч наших братьев, насиловала и насилует наших сестер и жен? 3) Неужели его сердцу мила „казачья вольность", находящаяся в грязном кулаке разнузданного „рассейского солдата"?

Далее, мы самым решительным образом протестуем против той „операции", какую г. Мельников проделал с речью г. Балинова. Мы присутствовавшие на собрании, заявляем: ложь, что Балинов определил дело В.К. как „вопрос сомнительный". Он говорил о трудностях пути, но он также говорил, что, если наш путь спасения Казачества труден, то других путей и совсем нет. Мы утверждаем, что на собрании имело место как раз обратное: вольные казаки, в том числе и Балинов, высказывали свою глубокую веру в свое дело, веру в своих союзников, и только сам г. Мельников там публично признал ошибочность избранного им пути, признал неверность своих союзников.

Нас глубоко возмущает тот злостный умысел, тот грязный „душок", который содержится в выдуманном Мельниковым (уже дома, ибо на собрании он т а к вопрос не ставил) вопросе: „по мысли самостийников, калмыки выходят из состава Донского Войска и образуют самостоятельную единицу, — какую же территорию, р а с ч л е н я я Д о н, они берут с собой от Дона? Весь Сальский округ? И для кого? для одних донских калмыков или и для других?"

Таким недостойным всякого серьезного и честного человека „вопросом" он думает настроить Донцов против Балинова и калмыков. Мы высказываем свое глубокое возмущение такой „выдумкой" г. Мельникова, ибо хорошо знаем, что и Балинов и его друзья добиваются как раз обратного: еще большего укрепления исторической связи калмыков с казаками, еще более тесной, братской совместной жизни. Это известно и самому Мельникову, ибо он на собрании спрашивал Балинова — почему калмыки н е ж е л а ю т отделяться от казаков?

Ложь, что „г. Балинов, воспользовавшись словом, на этот вопрос ничего не ответил"... — как пишет Мельников в своем „отчете". Мы заявляем, что Балинов там же ясно и определенно ответил, почему калмыки н е ж е л а ю т отрываться от Каз-ва. Только недобросовестный человек мог приписать Балинову желание „расчленить Дон". Взгляд Балинова на этот вопрос всем нам (точно также и г. Мельникову) хорошо известен из его публичных выступлений в Париже, из его печатных выступлений в „ВК" и, наконец, по калмыцкому журналу „Ковыльные Волны", где ясно и точно говорится, что этот вопрос должен разрешится „п о з а к о н о д а т е л ь н о м о д о б р е н и и Д о н с к о г о К а з а ч е с т в а в Д о н с к о м В о й с к о в о м К р у г е", чего, казалось бы, никакая буйная фантазия неспособна криво истолковать. Но вот г. Мельников, по зрелом размышлении дома, умудрился одним росчерком пера перевернуть все вверх дном.

Этим ограничиваем свое перечисление мельниковских передержек. Считаем, что и этого достаточно для обрисовки его метода „борьбы" с своими политическими противниками. Но мы не можем обойти молчанием противо-самостийнических „аргументов" г. Мельникова. Основные из них два:

Первый его „аргумент":

... „будущая национальная Россия... никогда добровольно и без борьбы не отдаст своих (?) выходов к морю, не будет спокойно смотреть, как ее отрежут от нефти, от угля, от хлеба. Без крови самостийная затея не обойдется. Будет война".

Бурлит казачье сердце от возмущения, когда слышишь такой „аргумент“ в пользу „национальной России“ от казака же! Но мы, вместе с тем, удовлетворены признанием Мельникова в том, что не самостийники готовят войну с Россией, а „национальная Россия“ непременно пойдет войною на Казачество, снова будет резать казаков за то, что у них имеется нефть, уголь, хлеб, что их земля у моря. Она, Россия, непременно пожелает все это брать даром, по праву „матушки“. Свое „материнское право“: безнаказанно стричь, обирать своего „любимого сына“ — „Россия никогда добровольно и без борьбы не отдаст. Будет война“ — изрекает Мельников. В силу того, что казачья земля находится у моря, что на этой территории имеется нефть, уголь, хлеб, г. Мельников отказывает казакам в праве жить так, как им хочется, жить на своей земле свободно так, как живут другие ндроды.

Несчастные наши предки, в течение веков поливавшие своею кровью „Дикое Поле“, превращая его в цветущий Край; несчастные наши деды и прадеды, своими казачьими трупами прокладывавшие „выход к морю“, изгонявшие турок! — Вашими трупами, вашей кровью ныне г. г. Мельниковы „аргументируют“ „право“ „национальной России“ на владычество и господство над вашими потомками!

Второй „аргумент“ Мельникова:

... „неказачье население мало пострадало во время гражданской войны, а Казачество понесло страшную убыль убитыми и умершими от тифа. Не забывайте, что выбыл из строя и ушел на чужбину самый цветущий возраст — значит положение казачьего населения, путем новых рождений еще более отстало от положения неказачьего; кроме этого, масса казаков выслана в Сибирь, на Урал, в Арх. губернию — соотношение еще более ухудшилось для казаков. И еще — и это едва ли не самое главное — какая масса наплыва с севера хлынула в Казачьи Края по окончании гражданской войны“! — с убийственным равнодушием и спокойствием „аргументирует“ г. Мельников право России на власть над Каз-вом.

Этот „аргумент“ от трупов убитых наших братьев, от бесконечных мук наших сосланных и гниющих в тюремных застенках казаков, от наших страданий в изгнании — нас еще больше возмущает. Удивительный „аргумент“: нас убивали и убивают, изгнали из Родины, лишили естественного прироста, вместо нас водворили на нашей земле „массу наплыва хлынувшую с севера в Казачьи Края“, а потому, в благодарность за эту жестокую расправу с нами, еще ниже склоните, казаки, свои непокорные головы, станьте на колени перед „нац. Россией“ убеждает г. Мельников.

Нас удивляет — с каких пор юрист Мельников стал поклонником права силы, а не силы права?

Несчастные наши братья, за казачьи права живот свой положившие! Несчастные наши братья, за свободный и вольный казачий дух гниющие в тюремных застенках и в северных тундрах! Несчастные наши матери, жены и сестры, лишенные радости продолжать род казачий, проливающие горькие слезы за казачьи страдания! Несчастные, наконец, мы, братья, изгнанные врагами из своей Родины и страдающие на чужбине! Трупами казаков, горькими слезами и несчастной долей казачки, нашими страданиями и бесконечным произволом русского „наплыва“ ныне г. г. Мельниковы „аргументируют“ „право“ „Национальной России“ властвовать над Каз-вом! Вдумайтесь, братья, в смысл этих писаний г. Мельникова, „раскусите“ эту его преступную „теорию“ „непротивления злу“!

Третий „аргумент“ г. Мельникова:

... „прежде, чем выступить на борьбу с Россией, Каз-во должно еще справиться у себя внутри с неказаками, т. е. с подавляющим большинством; если и справится, то сколько сил останется после всех потерь в этой борьбе для войны с Россией? Или самостийники думают, что неказаки тоже пойдут воевать во имя Казакии“?

Бросьте свою „кровавую“ демагогию! Вы уже сами сказали, что не самостийники собираются воевать с Россией, а эта последняя за казачий хлеб пойдет войной на Каз-во! Если кровь прольется, то ее прольет (по вашему утверждению) „Национальная Россия“, а казаки будут только защищать свой хлеб, свое право свободно жить на своей земле!

Какая удивительная логика у г. Мельникова! Если русские не пойдут воевать против России, т. е. против большевиков, то почему же тогда г. Мельников гонит казаков в первых рядах спасать Россию от тех же русских, которые не желают этого спасения? На кого же тогда рассчитывает г. Мельников, когда думает спасти Россию, да еще национальную? По его рассуждению выходит, что Казачество может и погибнет во имя национальной России. И это говорит человек, занимающий пост пред. донского правительства, который доуправлялся Казачеством до того, что откровенно сознался на собрании Каз. Клуба в неправильности своего пути. Казалось, чего проще сделать, раз сбился с пути, то не мешай казакам заботиться самим о себе. Так нет же, пусть будет по моему — „не кошено, а стрижено“...

Мельников в своем старании угасить в казаках дух казачий переходит все границы. Он дошел до такого утверждения, что в будущем независимом казачьем государстве жизнь будет такая тяжкая, как она тяжка для нас сейчас, в эмиграции. Это потому-де, что „в Россию их, как иностранцев, пускать бы не стали“.

Напрасная тревога! Во-первых пускали бы, а во-вторых, казакам и дома плохо не жилось бы. Границы не только России, но и всех государств будут всегда открыты как для богатых казаков-туристов, так и бедных, ищущих работу казаков, как это мы сами видим везде и всюду. Кроме того, казакам не было бы надобности искать работу, ее и дома будет достаточно. А в прошлом казаки, за исключением единиц, на работу в Россию не ходили (было как раз наоборот), ибо своей работы было с избытком. А в будущей Казакии, под мудрым управлением истинных и честных казаков, жизнь будет гораздо лучше, чем прежде.

Пусть извинит нас г. Мельников за такой наш ответ, но пусть знает, что мы в своем горе, когда „рана наша велика, как море“ — говорить иначе не можем.

Е. Якименко, Е. Чертков, Лысенков, А. Тульцев, Е. Бородин, М. Колесов, И. Евтухов, А. Затенко, Яковенко, Борисенко, Сидоров, П. Калита, И. Скобелин, Ш. Балинов, А. Огиенко.

В Казакии.

Е. Булавин. (*С. Америка*).

РОДНАЯ СТАНИЦА.

Люблю беспредельно станицу родную
С садами, полями ее и лугами,
Степные курганы, долину Кумскую
С ее окоемом — лесами, горами...

Чарует пейзаж по утрам у станицы:
Далеко степное пространство синеет,
Туман на вершине Бештау клубится
И светлая шапка Эльбруса белеет.

Три горные речки, шумя по стремнинам, —
Кума да притоки Дарья и Тамлык —
Создали собою надиво картину,
Которую с детства я видеть привык.

Шумливые речки в своем устремленьи
Сверкают зеркальностью чистой воды,
А вдоль берега их прохладой и тенью
Одели зеленые рощи, сады.

Что думают дома?

В редакцию „В. К." переданы два письма, присланные с Кубани, одно в 1929 году, другое в настоящем, писанные одним и тем же лицом. С необходимыми пропусками, помещаем ниже оба эти письма. Выводы читатель сделает сам. А если кто не сделает, то к содержанию этих писем мы еще вернемся на страницах „В. К."

I.

Посылая Вам это письмо, уверен в том, что оно дойдет до Вас... Посылаю Вам это письмо потому, что Ваше местопребывание твердо знаю, где же находятся другие наши кубанцы, мне хорошо неизвестно. Я не знаю, отошли ли Вы или нет сейчас от прежней политической деятельности, но я уверен, — Вы найдете, кому передать это письмо...

Я рад представившейся возможности узнать живы ли Вы и что делают братья кубанцы заграницей и поделиться со своими казаками, которые интересуются, как там наші живуть і що вони роблять. Тут мы живем только слухами. Була чутка об измене Л. Б. и П. М., но не знаем, правда ли это. Даже из советской прессы мы заключаем, что заграницей что-то делается, делают что-то и кубанцы. Если Вы знаете кого-нибудь, кто сейчас близок к этому делу, просьба передать ему мое письмо...

Просьба моя заключается в том, чтобы хотя бы в кратких чертах сообщили мне, что сейчас делают наши лидеры, кто из них где находится и существует ли общественная организация или политическая партия, которая об'единяет тех лидеров Кубанской Рады, которые стояли на платформе независимой Кубани. Я сейчас не могу сказать больше, так как не знаю, будете ли Вы сами отвечать на это письмо или будете с кем либо советываться, кого я не знаю. Поэтому я вынужден ограничиться этой короткой просьбой. Есть много кое-чего такого, о чем хотелось бы поделиться со всеми Вами, находящимися на чужбине и получить совет и помощь, но полная оторванность и неизвестность исключают пока эту возможность.

Если там у Вас существует хоть небольшая горсточка членов Рады, не изменивших ее идеям, за что погибли Кулабухов и Рябовол, мы ждем — Вы отзоветесь.

У нас жизнь здесь тяжелая и с каждым днем делается все тяжелее. Политическое положение очень сложное и его трудно охарактеризовать каким либо трафаретом. Написать можно много и все равно не опишешь всей сложности и обстановки. В кратких чертах можно сказать, что власть сейчас переживает тяжелый экономический кризис, который навряд ли окончится для нее благополучно.

Политическая пассивность большинства населения постепенно изживается и власть поддержки в широких слоях населения не имеет, за исключением новой бесштанной „аристократии". Недовольство растет и долготерпение лопается. Жаль только, что нет той силы, которая могла бы направить это недовольство в одно русло...

Но мы тут одиноки, оторваны от наших лидеров и не имеем ориентировки о том, каково настоящее положение большевиков заграницей и о силах казачьих в эмиграции.

... Есть много вопросов, которые хотелось бы задать и получить на них ответ, но скажу прямо, что кроме веры в Вашу личную честность никаких гарантий не имею, что письмо попадет, так сказать, „по адресу".

Поэтому я имею право рисковать только своей головой. Если не ошибаюсь и действительно там у Вас живо Казачество, то прошу подробно ответить на это письмо, как Вы найдете возможным.

Бог даст встретимся с Вами на рідній землі. Шлю Вам и всем братам кубанцам щирий привет от лица нашей родины.

Май, 1929.

II.

Дорогой и уважаемый М. М.!

Полтора года тому назад я подавал Вам отсюда голос, в надежде на братский отклик. Ваш тогдашний ответ сам по себе был для нас, одичавших под большевиками, особенно радостным и мы не раз потом читали и перечитывали каждую строчку этого письма. После этого прошли долгие месяцы. Хватили мы за это время всякого лиха, но про Вас не забыли... Прежде всего сообщаю, что мы тут живы, несмотря на все напасти, и хочу поделиться с Вами наболевшим. Начну с вопроса.

Знаете ли Вы толком, что творится здесь у нас? Видимо, нет. Положение наше теперь невыносимо. Дело в том, что прошлогодние и позапрошлогодние попытки возрождения „военного коммунизма" — в виде принудительных хлебозаготовок, были только цветочками, ягодки произросли теперь в виде сплошной коллективизации, непрерывного хозяйственного разгрома станиц и варварского выселения „кулаков". С первыми признаками вытрезвления казачества и иногородних от застигшей нас врасплох весенней (1930) кампании массового загона в колхозы, начался так наз. „отлив", т. е. массовый же выход из колхозов. Рассвирепевшие „совпарторганизации" ответили новыми административными и карательными мерами и таким образом теперь число колхозов непрерывно повышается. Все это происходит на фоне непрекращающейся стихийной борьбы казаков против повседневного насилия. Доведенный до отчаяния казак ломает свои машины, режет скот, выгоняет в степь коня на голодную смерть. То там, то здесь разражаются неожиданные кровавые вспышки. Так было четыре месяца тому назад в ст. Платнировской и два с половиною месяца назад в Гиагинской (Майкопского отд.). Зимою и летом (прошлого года) с Кубани выселили многих „кулаков", частью вместе с семьями на Урал, часть — в засушливые уезды Ставропольщины. В связи с этим, в каждой станице много беглых. То возникают, то вновь распадаются „зеленые". Кое-кто сам переселяется. Много болеет, голодает. Посев озимых самый пестрый, а много единоличных уже остались без посева. Хороший урожай (прошлого года) наполовину пропал из-за колхозной бессмыслицы. В казачьих и иногородних массах царит большое возмущение и недовольство. Окончательно потеряла свою остроту рознь между казаком и иногородним и лишь в отдельных местах коммунисты продолжают опираться на свои „партизанско-бедняцкие цитадели". Такова общая картина.

Мы не знаем, остались ли неизменными Ваши взгляды на положение у нас, но то, что Вы писали нам в прошлом году, совершенно не применимо здесь в настоящей обстановке. Я не говорю о политической программе. Иначе, как демократический союз вольных казачьих областей, будущее нам не представляется. Казачьи массы достаточно много испытали, чтобы не хотеть ни коммуны, ни доброволья. Но теперь... на первом плане и глухая и явная ненависть к большевицкому насилию. Выступить здесь с проповедью — не действовать, а думать потихоньку — можно человеку, свалившемуся с луны. Действие то развивается неорганизованно само собою и казачья кровь льется ежедневно и ежечасно. Не редки случаи, когда к нашему брату являются казаки, видящие еще в нас своих верховодов, за советом и помощью. В такой обстановке немыслимо замыкаться в своей скорлупе. Предлагать „непротивление злу" не поворачивается язык. Таким ответом не удовлетворяются люди, доведенные до последней степени отчаяния, ограбленные, оплакивающие расстрелянных отцов и братьев. Естественно, что, пускается в ход все, чтобы удержать наиболее безрассудных. Наконец, тактика пассивного ожидания у моря погоды — в надежде, что освобождение придет неведомо когда и само по себе, является теперь очевидной бессмыслицей и для самых трезвых голов. Для каждого, кто задумывается над нашей судьбой, очевидно, что, не встречая серьезного сопротивления, Московская В. К. П., опираясь на крепостное Российское быдло, вконец обескровит и удушит Кубанское и все другие казачества, и в

первую очередь наиболее живые его силы. Оставить движение казачьих масс без головы в момент, когда уже совсем будет поздно, — явится и для нас и для Вас преступлением перед родной землей. Нас охватывает одно чувство — нужно посильно, срочно и осторожно готовиться к борьбе. Чего же мы хотим от Вас? — Вдумайтесь в наше письмо, братья кубанцы, отнеситесь серьезно к каждому слову. Не обижайтесь за резкость. Это письмо людей, исстрадавшихся и измотавшихся до последнего предела. Если есть еще там кубанское боевое товарищество, так подайте сюда весть как и чем можете помочь тем, в ком живет дух борьбы за самостийную Кубань, за освобождение ее от кровавого кошмара. Поддержите нас советом и делом.

Шлем вам всем горячий привет...

Февраль, 1931.

Что делают оккупанты?

Ростовский „Молот" от 27 февраля приказывает „отвести угрозу программе первого квартала". А „угроза" действительно существует, о чем узнаем из передовой „М." в тот день:

„Оперативные сводки выполнения плана промышленности нашего края требуют резкого перелома, действительной мобилизованности в работе каждого завода, фабрики, шахты, промысла.

Вместо того, чтобы, возглавив энтузиазм ударников, сосредоточив внимание на узловых вопросах работы промышленности, ярко очерченных в последних выступлениях т.т. Сталина и Молотова, пойти действительным штурмом на прорывы — большинство предприятий края еще не подошло к уровню плана."

А 7 марта узнаем, что „итоги работы промышленности края за январь и февраль неудовлетворительны и ставят под прямую угрозу выполнение промфинплана первого квартала".

14 марта там же читаем, что „районы особого наблюдения не добились перелома в мобилизации средств. На последнем месте: Тимошевский, Мечетинский, Курганенский, Брюховецкий, Кропоткинский (Кавказский?), Краснодарский, Таганрогский и Лабинский районы."

„Неблагополучно" и на фронте хлебозаготовок. В „М." от 14 марта есть признание, что „результаты заготовок за вторую пятидневку марта свидетельствуют о том, что в ряде районов продолжают жить самотечные и демобилизационные настроения. Колонку позорно отстающих районов попрежнему составляют: Вешенский район, Кашарский, Тарасовский, Тацинский, Каменский, Белокалитвенский, Ейский, Старо-Минский, Воронцово-Александровский, Прохладненский, Тимошевский и Ессентукский. Заготовки здесь находятся на недопустимо низком уровне; в большинстве этих районов последние задания выполнены меньше, чем на 10 проц.

Вторая пятидневка марта отмечает падение темпов заготовок по всему краю. Прирост за пять дней выражается всего в 2 проц. Отставание идет, главным образом, за счет единоличного сектора. В Баталпашинском районе, например, план по единоличному сектору выполнен всего на 24 проц."

Розыски.

Вахмистра ст. Попутной Данила Федоровича Ващенко разыскивает его отец, Федор Ващенко, прикованный старостью к лазаретной койке. По случайным сведениям, Д. Ващенко в 1925 г. выехал во Францию, а оттуда — в Аргентину.

Знающих что либо о судьбе сына, старик-отец очень просит сообщить по адресу: Bulgarie, с. Шипка — Казанлък, лазарет „Приюта за престарели и хронически болни".

Куб. каз. Митрофан Лаврик разыскивает своего брата Ивана и станичников — полковн. Ковалева и Шихавец. Адрес: Societate Unia de Petroli Oras Ginrgin Ind. Vlasca. Rumunsko.

С 1-го апреля адрес редакции и администрации журнала „В. К." будет новый:

Praha-Vinohrady; Hradecká, 2207.

Казаки! Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво".

Открыта подписка на 1931 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.